

Глава четвертая В УСЛОВИЯХ РАСПУТИЦЫ

1. Долгожданный успех

Приказ о перегруппировке в состав войск 3-го Украинского фронта вызвал оживление. Люди стали энергичнее, посветлели их лица. Слегка заикаясь, что случалось всякий раз, когда он волновался, полковник Щербаков сказал:

- Ко-конец бесплодным атакам и напрасным жертвам! Там-то мы по-пойдем вперед!

- Если, конечно, пополнимся и будем делать свое дело - развивать успех, а не прорывать оборону, - с надеждой проговорил только что прибывший на должность заместителя по политической части - начальника политотдела бригады - подполковник Иван Яковлевич Листухин.

- Ду-думаю, так и будет.

Несмотря на полосу двухмесячных неудач, мы были уверены, что и к нам придут успехи. Эта вера основывалась прежде всего на результативных действиях других украинских фронтов. Ее усиливало также то, что с поступлением в войска в декабре 1943-го года самоходных установок СУ-85 и ИСУ-152 облегчилась борьба с новыми фашистскими танками и истребителями танков.

17-го января 1944-го года бригада вместе с другими соединениями корпуса начала комбинированное передвижение: 38-й гвардейский танковый полк и мотострелковые батальоны - железнодорожным эшелоном со станции Пришиб (50 км восточнее Большой Белозерки) через Запорожье, Днепропетровск на станцию Елизарово (35 км северо-восточнее Ново-Николаевки), артиллерия и тыловые подразделения - своим ходом по маршруту Пришиб, Бурчак, Запорожье, Хортица, Новопокровка (30 км восточнее Ново-Николаевки).

Из-за острой нехватки автомобилей потребовались большие усилия, чтобы перевезти в несколько рейсов по раскисшим дорогам запасы материальных средств и военно-техническое имущество на станцию погрузки. Мне это стоило почти трех бессонных суток и большой нервотрепки. Поэтому с завершением погрузки эшелона я распорядился заместителю майору Федорову:

- Сергей, бодрствуйте, будьте в курсе движения эшелона, а я буду спать.

И на голых дощатых нарах вагона-теплушки тотчас попал в объятия крепкого сна. Проснулся во второй половине дня 18-го января от сильного скрипа под колесами вагона. Это скрипел и трещал деревянный мост через реку Днепр в Днепропетровске, построенный на сваях инженерными войсками, по которому эшелон двигался со скоростью пешехода. А утром

19-го января эшелон прибыл на станцию Елизарово.

- Обатурыч, ты весел и сияешь, словно жених после удачного сватовства, - пошутил полковник Щербаков во время сбора на рекогносцировку.

- "Крепко спал за пятерых"! - отшутился я запомнившимся стихом.

Радовал и начавшийся день - с морозцем, редкими хлопьями снега; к середине дня уже неплохо подмерзло.

Квартирьеры батальонов, участвовавшие в рекогносцировке, с ходу развели в назначенные районы колонны подразделений; и к 20-ти часам бригада полностью

сосредоточилась в селе Новопокровка и деревне Павловка (70 км юго-западнее Днепропетровска).

Занимаемый бригадой район отстоял от линии фронта на 20-25 км, но было необычное затишье. Причину его прояснила быстро поступившая из штаба корпуса информация. В ней сообщалось, что действующие впереди войска 8-й гвардейской армии несколько дней тому назад прекратили наступление и временно перешли к обороне. Перед ними на участке Новые Ковны, Новая Балта (10 км юго-восточнее Ново-Николаевки - схема № 6) обороняются гитлеровские 204, 123 и 306 пехотные дивизии в первом эшелоне и 16-я моторизованная дивизия - во втором, имея оборонительные сооружения полевого типа и надежно защищенные командные пункты дерево-земляными перекрытиями.

С 20-го по 22-е января, в ходе изучения местности, дорог, рек и речек к западу от района сосредоточения до реки Базавлук включительно, а также обороны противника к западу и юго-западу от Ново-Николаевки, все три дня при небольшом морозе шел обильный снег. Снежный покров к вечеру 22-го января достиг 20-25-ти см. Это нас радовало.

Местность оказалась аналогичной Северной Таврии, но участки ее, примыкающие к рекам Базавлук и Каменка и речкам, особенно Базавлучеку, были чаще изрезаны обрывистыми оврагами.

Получив задачу на заготовку леса для мостов, бригадный инженер докладывал командиру бригады:

- Лесов нет. В посадках мостовой лес - редкость. Будем делать жердевые настилы в несколько рядов. Правда, река Базавлук и речки проходимы вброд во множестве мест.

Опытный и бывалый Никодим Ефремович решительно возразил:

- Надо помнить, что мы на юге Украины. Вот эта масса снега за день-два под солнцем и дождем растает, и не только реки, но и балки превратятся в бурные, глубокие потоки. Готовьте лес, жерди, хворост! Поняли?

- Есть! Приступим немедленно.

В боевой подготовке по требованию комкора главный упор был сделан на наступление ночью. Штабу пришлось в течение трех суток организовывать и проводить ночные учения мотострелковых батальонов с танками и артиллерией. С учетом опыта боев под Большой Белозеркой, для исключения случаев потери управления командирами рот и взводов ночью, а также в целях скрытности, в каждой мотострелковой роте и взводе был отработан свой звуковой сигнал. Для этого использовались характерные крики ночных птиц, зверей, лай собак и тому подобное, но ни в каком подразделении не повторяющиеся.

На одно из учений в сопровождении комбрига прибыл командир корпуса.

- Рассказывайте, что тут у вас делается? - спросил он, приняв мой рапорт.

После доклада плана учения, просмотра одного из этапов наступления, в ходе которого танки были остановлены у болотистого ручья и мотострелки продолжили наступление без танков, скрытно, без шума, генерал-лейтенант Танасчишин проговорил:

- Похвально! Эти самые звуковые методы управления при скрытом ночном наступлении применялись до войны не только в стрелковых частях, но и в кавалерии. Хорошо, что вы это вспомнили, в предстоящих боях пригодится.

- Это наш командир бригады вспомнил, - доложил я.

И тут два многоопытных кавалериста - генерал-лейтенант Танасчишин и полковник Щербаков - стали вспоминать, с какой основательностью учили подразделения и части до войны, осторожно и тихо подчеркнув: "До 1938-го года, пока было на кого опереться".

Много усилий стоило хотя бы сносно укомплектовать подразделения и танковый полк личным составом. К 1944-му году стало уже традицией удовлетворять патриотическое стремление воинов к возвращению в свои части и соединения после излечения в госпиталях армейского и фронтового подчинения. Поэтому десятки солдат и сержантов, в том числе и немного недолечившихся, узнав об убытии бригады, поспешили в нее еще на станцию погрузки. Большая же часть личного состава была принята из госпиталей 4-го Украинского фронта офицерами, направленными из нового пункта дислокации. Небольшое число, главным образом артиллеристов и связистов, было прислано распоряжением штаба 3-го Украинского фронта.

В ходе большой работы по ремонту и восстановлению техники и вооружения в эти дни пришлось ближе познакомиться с заместителем командира корпуса по технической части инженер-майором Григорием Робертовичем Прагиным. Первое благоприятное впечатление оказалось верным и впоследствии. Прекрасный организатор технического обеспечения, он всегда знал характер повреждений, объемы ремонтов и умело приближал ремсредства к бригадам и полкам. Так, бригада 181-го корпусного ремонтно-восстановительного батальона прибыла к нам уже в первый день пребывания в Новопокровке. Она за несколько дней помогла восстановить девять танков и более двадцати автомобилей.

К 28-му января в строю бригады уже было 18 танков (46% к штату), в том числе пять легких, орудий и минометов - 44%, пулеметов - 50%. И хотя, по-прежнему, 2-й мотострелковый батальон не имел личного состава, в двух других - численность личного состава мотострелковых рот мы смогли довести до 70-ти человек. И это при укомплектованности бригады людьми в целом на 50%! Запас боеприпасов был доведен до полутора-двух боекомплектов.

Наряду с получением сведений о противнике от штабов стрелковых дивизий 4-го стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии нами были организованы и обеспечены радиосвязью свои наблюдательные посты на участке фронта от Терноватки до высоты 130,5.

А с 25-го января началась непосредственная подготовка к наступлению. Накануне на КП корпуса в Котляровке (33 км восточнее Ново-Николаевки), командир корпуса объявил решение и устно поставил бригадам боевые задачи. И в конце пояснил:

- Боевые задачи будут еще уточняться. На подготовку дается несколько дней, в течение которых обстановка может измениться. Кроме того, в ходе подготовки к действиям могут появиться более целесообразные мысли.

В соответствии с приказом командующего 3-м Украинским фронтом корпус составлял подвижную группу фронта и имел задачу, войдя в прорыв в полосе 4-го стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии на участке Новые Ковны, курган

Могила Орлова, развить успех и овладеть районом Мало-Воронцовка, Червоний Запорожец, Каменка, а передовыми отрядами захватить Апостолово и Шолохово.

Командир корпуса решил нанести удар правым флангом, в боевом порядке углом вперед, имея на острие удара танковую бригаду, в первом эшелоне две мехбригады и во втором, за правым флангом, одну мехбригаду.

Наша 13-я гвардейская мехбригада должна была войти в прорыв в первом эшелоне, на левом фланге с ближайшей задачей овладеть районом Преображенский, Базавлук, в последующем, развивая успех, овладеть поселком Червоний Запорожец, а передовым отрядом (ПО) захватить Шолохово.

После указаний по взаимодействию со стрелковыми частями и артиллерией во время ввода в прорыв, комкор познакомил нас с командованием штурмовой авиадивизии, два полка которой назначались на поддержку корпуса, а затем провел занятие в поле по обозначению передовых подразделений для опознания их своей авиацией.

- Предлагаю: передовые танковые и мотострелковые роты, при подходе наших штурмовиков, обозначать дымовыми сигнальными шашками фиолетового или лучше оранжевого цвета. А ракетами из танков желтого или зеленого цвета, - докладывал начальник штаба генерал Жданов и тут же демонстрировал это, по очереди бросая на снег то те, то другие шашки.

- А как думают авиаторы? - спросил генерал Танасчишин.

- На снегу мы увидим любой из этих дымов, - ответил один из командиров-авиаторов.

- А если снег растает? - спросил его полковник Щербаков.

Подумав, заместитель командира штурмовой авиадивизии ответил:

- Для бесснежных условий мы предпочли бы дымы фиолетового, а ракеты зеленого цвета.

- Будет так, как хочет авиация, - заключил командир корпуса.

По дороге в бригаду Никодим Ефремович мечтательно проговорил:

- Вот бы использовали нас так, как намечено. С имеющимися силами посылать нас на прорыв - безумие.

- Все зависит от гвардейцев 8-й армии. Будем уповать на их умение прорываться, - сказал я.

- В голосе комкора звучит уверенность, что будем действовать по плану.

Командир бригады решил ввести ее в прорыв, имея боевой порядок в два эшелона: первый - 3 8-й гвардейский танковый полк с двумя мотострелковыми ротами 1-го батальона в качестве десанта, и двумя приданными батареями 1512-го истребительно-противотанкового полка (иптап); второй эшелон - 3-й мотострелковый батальон. Артдивизиону и минометному батальону следовало продвигаться за первым эшелонem в готовности поддержать огнем его атаку.

Многo были объявлены места танкового полка и подразделений в исходном положении, в предбоевом порядке на рубеже развертывания, маршрут и время движения в исходном положении, и колонные пути из него на рубеж развертывания при вводе в прорыв.

С точки, расположенной именно на этом рубеже полкилометра восточнее Терноватки, началась на рассвете 25-го января организация ввода в прорыв. По

приказанию полковника Щербакова я ввел командование танкового полка и батальонов в обстановку. Начав с назначения единых для всех ориентиров, сказал:

- От Терноватки, как видите, остались два дома и до десятка печных труб, а в северной части Базавлука - лишь несколько труб.

- Вот звери! Везде деревни превращены фашистами в пепелища да развалины, - горько и зло проговорил командир танкового полка майор В.В.Дедюев.

- Жители рассказывают, что перед отходом угоняют людей в Германию и специально поджигают деревни, - заметил подполковник Листухин.

- Ответят еще за это! - резко сказал полковник Щербаков. - Продолжим работу.

После подробного ознакомления с построением обороны 123-й пехотной дивизии и местностью в пределах видимости включился в разговор комбриг. Он уточнил направления наступления полка и батальонов с рубежа развертывания, где и какими силами противник может оказать сопротивление, дал указания по взаимодействию с пехотой и артиллерией, осуществляющими прорыв, и особо подчеркнул:

- Главное внимание - правому флангу, хотя там и своя бригада. Помимо моторизованной дивизии, обороняющейся где-то на рубеже Новоалексеевка, Тарасо-Григорьевка, Новоивановка, с Апостоловского направления может нанести контрудар одна из двух танковых дивизий - 24-я или 9-я. Этот удар может достать и нас. А на рубеже Каменка, Шолохово думать о левом фланге, против которого возможен контрудар никопольской группировки фашистов.

С 27-го января резко потеплело. Снег начал быстро таять, пошли дожди. Предвидение комбрига сбылось. Ручьи на глазах превращались в бурные потоки. Незначительно промерзший грунт быстро оттаял. Имевшиеся только полевого типа дороги после прохода нескольких единиц техники становились труднопроходимыми.

Нам пришлось срочно увеличить возимый и носимый боекомплект боеприпасов, и запасы горючего на танках и автомобилях. С танков в походные реммастерские изъяли часть инструмента и принадлежностей и на каждый из них дополнительно погрузили в ящиках полбоекомплекса выстрелов и патронов, как в боевое отделение, так и снаружи на полки, по две 200-литровые бочки дизельного топлива. Мотострелковые, разведывательные и артиллерийские подразделения увеличили носимый запас патронов и гранат до 1,5 боекомплектов.

- Опасно так, Никодим Ефремович. В вещмешках сержантов и красноармейцев продуктов - полусухого пайка, один раз покушать. Все занято патронами, - говорил начальник политотдела.

Улыбнувшись, Щербаков спросил меня:

- Штаб считал, какой груз несут на себе мотострелки?

- Да, как я докладывал, 31 кг, а с полным сухим пайком -33 кг.

- Вот и хорошо. Изо дня в день запас патронов будет таять, а еды прибавляться: сумеем взять ее у фашистов, голодными не будем.

Марш в исходное положение по маршруту Павловка, Малая Калиновка, Хрущевка, Назаровка бригада совершила в два перехода: первый - с двух часов и до утра 29-го января, второй - в ночь на 30-е, с дневным отдыхом в Хрущевке (7 км восточнее Ново-Николаевки). Собственно, никакого отдыха не было. Всюду на

расстоянии 26-ти километров первого перехода личный состав тянул на руках и танковыми тягачами автотранспорт, артиллерийские тягачи и спецавтомобили. Еще тяжелее достался второй, всего лишь 15-километровый участок. Командование и штаб бригады в полном составе следовали с подразделениями и оказывали помощь в организации движения.

Ночь с 29-го на 30-е января я провел на переправе через реку Базавлук севернее Ново-Николаевки. Мост инженерно-минная рота построила низким, без предвидения, поверх настила пошла вода, а затем и унесла его. Более или менее благополучно переправилась головная автоколонна - тыл танкового полка и 1-й мотострелковый батальон. А затем настил сорвало и унесло. Возникло критическое положение. Тут и начальнику инженерной службы бригады капитану Семененко и командиру инженерно-минной роты пришлось выслушать от меня немало резких слов. Пришлось задуматься.

Вдруг стоявший невдалеке командир саперного взвода лейтенант Максим Александрович Некрасов воскликнул:

- Кирпич! Товарищ майор, метрах в пятистах - полуразрушенный кирпичный завод!

И тут не только саперы, а сотни людей из подошедших колонн были поставлены на поднос кирпича. Целый и битый, он утапливался между свай до образования твердой подводной насыпи, через которую катилась вода глубиной 30-35 см, насыпи, действовавшей с постоянной подсыпкой. По этому подводному мосту и переправилась бригада.

Я же набрал в сапоги воды, а когда к утру возник заморозок, то на бесчувственной правой ноге обморозил большой и второй пальцы. Лишь через четыре дня обнаружил это, когда ноге стало тесно от опухоли, поднявшейся выше голени. При постоянном движении залечивание шло месяц.

К рассвету 30-го января боевым составом бригада сосредоточилась в исходном положении Назаровка, Лысая Балка, но автотранспорт мотострелковых подразделений и с грузами подтягивали до утра 31-го января.

- Как же пойдем в прорыв? - беспокоясь, говорили офицеры штаба. - Без артиллерии и минометов?

- Что будет двигаться, с тем и пойдем, - ответил я. И тут осенило: лошади! Нужны лошади! Выслушав это, комбриг распорядился:

- Искать лошадей и в первую очередь для артиллерии!

Так, с 30-го января бригада постепенно стала обзаводиться лошадьми. К началу наступления в колхозах нам удалось выпросить девять лошадей, из них пять пошли в артиллерию и четыре в разведывательную роту. В дальнейшем конским составом мы обзаводились, захватывая его у гитлеровцев, ограбивших советские села и деревни.

Из информации о бое передовых батальонов, проведенном с утра этого дня, было известно, что противостоящая группировка противника не изменилась. А к рассвету 31-го января мы оперативной группой штаба заняли подготовленный заранее НП у посадки, полкилометра восточнее Терноватки, с целью наблюдения за ходом артиллерийской и авиационной подготовки и началом прорыва обороны 4-м стрелковым корпусом.

Артиллерийская и авиационная подготовка началась в 8 часов 45 минут". Первый залп сотен орудий и реактивных установок прозвучал как удар мощной молнии. Последовавшие затем залпы, беглый огонь и тысячи разрывов снарядов и мин в расположении врага слились в единый непрерывный оглушающий грохот. Земля сотрясалась и гудела. Сквозь облака земли и черного дыма, поднимавшиеся над обороной противника, огненные вспышки разрывов проглядывали сплошным ковром из светло-красных мерцающих роз.

Вскоре открыли огонь сотни орудий, поставленных на прямую наводку. Их выстрелы в свою очередь смотрелись, как множество сверкающих звезд. Дважды прилетали штурмовики Ил-2 и поражали цели реактивными снарядами и пушечным огнем.

Такую мощную и плотную огневую подготовку я видел впервые. По наблюдению в бинокль создалось впечатление, что оборонительные позиции гитлеровцев буквально перепаханы. И оно не оказалось обманчивым.

Ружейно-пулеметного огня противника почти не слышалось; его артиллерия, поставленная на прямую наводку, молчала, а с закрытых позиций отвечала редкими батарейными залпами.

- Хорошо пахнут артиллеристы и авиаторы. Молодцы! - неоднократно восклицал полковник Щербаков. - Быть прорыву, а значит, и мы проскочим в тыл фашистов!

- Такую мощь огня, обрушенную на фашистов, вижу впервые. Успех должен быть! - с пафосом вторил я. - Только из-за грязи не проскакивать, а пролезать нам придется.

- Враг-то тоже не скачет, а лазит. Тут-то и увидим, кто это лучше умеет делать.

После 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки, в 9 часов 35 минут стрелковые полки первого эшелона при поддержке небольшого числа танков и СУ-76 перешли в атаку и вскоре захватили первые траншеи.

- Быстро на КП! - приказал комбриг. - Теперь могут последовать неожиданные команды.

По возвращении мы получили печальный доклад. Одно звено Ил-2 (четыре самолета) по вине ведущего, не сумевшего правильно сориентироваться, нанесло удар по двухорудийной батарее нашего артдивизиона в исходном положении, в результате чего личный состав расчетов частью погиб, частью получил ранения, а пушки оказались выведенными из строя.

- Нельзя было ошибиться: ведь пехота стрелковых полков четко обозначала ракетами свой передний край, да и от линии фронта до батареи - 8 км, - возмущались офицеры штаба.

- Я уже сообщил в политотдел корпуса об этом, - доложил комбригу подполковник Листухин. - Должны за это ответить перед трибуналом.

- Да, это беда! Но жаль не только зря погибшей батареи, но и летчиков: легко ли разобраться где свои, а где противник в этом кавардаке из земли и дыма, - с горечью сказал Щербаков.

В середине дня командиры и начальники штабов бригад, возглавляемые командованием корпуса, прибыли по вызову на вспомогательный пункт управления (ВПУ) 8-й гвардейской армии.

В степи с использованием существовавшего ранее и свеженасыпанного курганов в блиндажах, обеспеченных оптикой, шла жаркая оперативная работа с использованием радио и проводных средств связи.

Спрятав "Виллисы" в укрытие, ведомые генералом Танасчишиным, мы по ходу сообщения выдвинулись к блиндажам командования. Вскоре к нам в сопровождении трех генералов вышел генерал армии. Это был командующий 3-м Украинским фронтом Родион Яковлевич Малиновский, которого мы, бригадные офицеры, видели впервые. В шапке-ушанке, с солдатской плащ-накидкой поверх шинели, выше среднего роста, неторопливый, он пожал руки генералам Танасчишину и Жданову и, поприветствовав наклоном головы нас, спросил:

- Трофим Иванович, вылезли из грязи? Готовы?

- Да, готовы. Боевой состав вылез, а автотранспорт и тылы вытягиваем, - ответил комкор.

Затем он кратко заслушал комбригов о состоянии бригад. И, обращаясь ко всем нам, сказал:

- В прорыв пошлем вас, может, и раньше половины завтрашнего дня, так что "быть на взводе". Вот гвардейцы 8-й, - сказал он, показывая на высокого генерал-полковника, как мы после встречи узнали, командарма Василия Ивановича Чуйкова, - прорыв ведут успешно. Хорошо рассчитайте время, потребное вам на выход из исходного положения до боевых порядков пехоты и обгона ее.

На этом комфронта пожелал нам успехов.

Перед нашим уходом к Щербакову подошел генерал-полковник авиации, как оказалось командующий 17-й воздушной армией фронта Владимир Александрович Судец.

- Большой урон нанесли вам штурмовики? - спросил он. Полковник Щербаков доложил, а затем добавил:

- Все же я прошу вас никого не судить. Война-то ведь состоит не только из правильных действий, но и из ошибок.

- Спасибо, но это зависит не только от меня.

Позже мы узнали, что командир звена был все же привлечен к судебной ответственности.

После ухода с ВПУ генерал-лейтенант Танасчишин подозвал командира и начальника штаба 14-й бригады, Щербакова и меня. После того как мы подготовили карты, он объявил:

- В 14-й бригаде на марше застряла артиллерия, поэтому вношу изменения в свое решение. На правом фланге, на направлении главного удара войдет в прорыв 13-я бригада, а на левом фланге - 14-я. Ясно?

- Есть! - ответили комбриги.

Мы сразу организовали рекогносцировку к западу от Терноватки. И как было ни трудно, дождь вновь лил непрерывно, к 12-ти часам 1-го февраля успели новые задачи на местности довести до всех командиров подразделений и экипажей, а колонные пути провесить ночью.

В 15 часов 1-го февраля по телефону и радио был принят сигнал на ввод в прорыв. Бригада двинулась в бой с противником и... распутицей. Первоначальные попытки двигаться всем составом оказались безуспешными. Танковый полк с десантом и следовавший за ним основной состав КП на двух легких танках быстро

оторвались от артиллерийских и мотострелковых подразделений, хотя и танки двигались медленно. С разрешения командира бригады я дал по радио распоряжение мотострелковым, разведывательным, саперным и зенитным подразделениям взять все минимально необходимое для боя, оставить машины и продвигаться пешим порядком.

Тяжелый грунт не позволял развивать скорость даже танкам. Поэтому танковый полк с десантом и КП вошли в деревню Приют лишь около двадцати одного часа, причем, разведгруппа на легких танках вошла в соприкосновение с отходящим противником на южной окраине деревни. При вспышках ракет на улицах просматривалось более десятка застрявших автомашин и гусеничных тягачей противника. Здесь же мы обогнали пехоту.

- Похоже, нам и допрорывать оборону не придется, - вслух думал комбриг.

- Да, товарищ полковник, прорыв чистый, - с радостью произнес майор Федоров. - Все теперь зависит от быстроты нашего продвижения.

- Нужно при всех трудностях ускорить движение, - решил Щербаков. - Начальник штаба, дайте такое распоряжение.

Это указание я немедленно исполнил, и оно было быстро принято командирами танкового полка и спешенных подразделений. А как артиллерия?

- Прошел около километра, буксую, - ответил на мой запрос командир дивизиона майор Брандуков. - С четырьмя расчетами легких, по десять мин на каждый, двигаюсь пешком, прошел Терноватку, - докладывал командир минометного батальона майор Гурков.

- Придется действовать пока без артиллерии, - решил для себя комбриг.

Продвигаясь так скоро, как позволял танкам грунт, бригада в два часа 2-го февраля встретила первое сопротивление в Ново-Украинке. В результате короткого боя, в котором подошедшие пешком мотострелки атаковали с фронта, а танки с десантом - охватом слева, противник в панике бежал на юго-запад. Затем в пять часов был атакован с ходу противник в поселке возле станции Базавлук; он бежал, оставив около тридцати автомашин с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

- Вот и провиант есть! - обращаясь к подполковнику Листухину, воскликнул Щербаков.

Он приказал мне распорядиться, чтобы часть продуктов была роздана личному составу, а остальное взято под охрану.

Около семи часов мы вновь с ходу атаковали противника в Тарасо-Григорьевке, но безуспешно.

Комбригу было предложено танковым полком обойти село с востока и одновременной атакой танками с юга, а мотопехотой с севера уничтожить гитлеровский гарнизон.

- Согласен. Подавайте команды.

- Товарищ Дедюев, бережно расходуйте снаряды, ведь вы у нас теперь и артиллерия, - передавая распоряжение, подчеркнул я.

- Понял, выполняю, - ответил Василий Дмитриевич.

С началом двухсторонней атаки гитлеровцы в панике бежали на запад, оставив технику, много трупов и потеряв несколько десятков пленными из состава 123-й пехотной дивизии. При допросе пленных выяснилось, что в селе оборонялся

усиленный пехотный батальон с задачей удерживать село и окрестности до конца дня с тем, чтобы обеспечить занятие обороны на подступах к Каменке и эвакуацию из нее техники, боеприпасов и других материальных средств.

Здесь из состава танкового десанта особо отличилась группа мотострелков во главе с гвардии лейтенантом Николаем Васильевичем Захаровым. Преграждая путь отхода гитлеровцам из села, она уничтожила 18 и пленила 6 гитлеровцев. Захаров лично уничтожил четырех фашистов.

На рассвете южнее Тарасо-Григорьевки, в балке, бригада захватила до двухсот исправных, но застрявших автомашин с водителями, загруженных боеприпасами, горючим, продовольствием и военно-техническим имуществом.

Посмотрев на застрявшие семитонные трехосные "Круппы", четырехтонные "Сименсы", я сказал командиру бригады:

- Вы правы, товарищ полковник, врагу грязь мешает не меньше, чем нам. И кто проворнее, искуснее, у того и будет успех.

- У нас он будет, Обатурыч, у нас!

Соседи также успешно вошли в прорыв. 36-я гвардейская танковая бригада к рассвету овладела Мироновкой, нанеся поражение поспешно отступавшим и бросавшим технику подразделениям 16-й моторизованной дивизии. А 14-я гвардейская мехбригада заставила спасаться бегством гитлеровцев, выбитых ею из Новоивановки.

Выдвигаясь на юг из Тарасо-Григорьевки, мы обратили внимание на группу легковых машин и людей около них в полукилометре западнее села, сзади нас. В бинокль определили, что автомобили "Виллис", а в группе есть генералы. Посланный мною на "Виллисе" майор Федоров вскоре вернулся и доложил, что это - генерал армии Малиновский с группой генералов и офицеров. Он потребовал от Федорова доложить обстановку и затем спросил:

- От Каменки бригада далеко?

- Разведка - в двух километрах, танковый полк - в шести.

- Передайте командиру бригады: с захватом Каменки нужно поспешить.

Выслушав доклад Федорова, полковник Щербаков удовлетворенно заметил:

- Комфронт-то находится там, где надо. Значит, и резервы недалеко. Теперь за правый фланг можно не беспокоиться.

В середине дня на короткое время прекратился дождь, улучшилась видимость. В двенадцать часов танковый полк с десантом с ходу атаковал оборонявшиеся на северной окраине

Каменки подразделения 16-й мотодивизии гитлеровцев. Вскоре нанесли удар по их позициям прилетевшие по нашей заявке два звена штурмовиков. Враг не выдержал и обратился в бегство. Мы сумели овладеть хорошо подготовленными в инженерном отношении позициями, захватить центр и, вслед за бегущими, переправиться на южный берег реки Каменки. Хотя около 14-ти часов 10 танков с пехотой контратаковали с запада в направлении северной окраины Каменки, но противостоявшие им три танка Т-34 и взвод мотострелков два танка зажгли. Контратакующие отошли, но при отходе три танка застряли, подставили борты и были сожжены огнем наших танков. К 18-ти часам подошли пешие подразделения обоих мотострелковых батальонов и подразделения обеспечения.

Село Каменка, растянувшееся с запада на восток - на шесть, а с севера на юг - на два с половиной километра, потребовало больших усилий, чтобы очистить от гитлеровцев. Оно было буквально забито их застрявшей на улицах техникой, исчислявшейся несколькими сотнями. Бригада взяла четыре крупных склада и около сотни лошадей, частью с повозками. Деморализованные группы гитлеровцев металась из хаты в хату, оказывая слабое сопротивление. Многих из них спасла наступившая темнота. Словом, очистку подразделения продолжали до двух часов 3-го февраля.

Мы посчитали, что дело сделано. В четыре часа я прилег в одной из хат на пару часов, но вскоре был разбужен от раздававшихся рядом автоматных очередей. Оказывается, в соседней хате комендантский взвод обнаружил группу гитлеровцев, ответивших огнем. Вскоре они сдались в плен. Такие стычки имели место во многих местах села. А всего в Каменке было взято в плен до сотни фашистов.

И по внешнему виду, и по настроению эти пленные резко отличались от пленных 1942-го года по памяtnому мне Брянскому фронту - тренированных крепышей, самоуверенно обещавших на допросах скорую нам гибель.

Представленные утром 3-го февраля полковнику Щербакову, пожелавшему допросить, пятеро пленных, среди которых были и солдаты и унтеры, подавленно и трусливо жались друг к другу. В отличие от нашего личного состава, побритого, умывшегося и имевшего исправную обувь и одежду, гитлеровцы предстали в развалившейся обуви, рваном обмундировании, с заросшими и грязными лицами. Оказалось, что три человека принадлежат разным батальонам и ротам 60-го моторизованного полка, четвертый - 341-му разведывательному танковому батальону и пятый - 146-му арtpолку, частям, входившим в 16-ю моторизованную дивизию. Отвечали они через переводчика охотно и быстро.

- Что это вы так перепутались? Где ваши командиры? -спрашивал полковник.

- Наши части разбиты, ваши танки обгоняли нас, пришлось отходить быстро, к тому же ночью. Все перепуталось, многие попали в плен, в том числе и некоторые командиры. Большая часть командиров отошла на самоходных и штурмовых орудиях.

- Вы - в плену. Для вас война кончилась. А что будет с вашей армией?

- Гитлер капут! - почти хором ответили они.

- Мы это слышим от вас, немцев, не первый раз. А ведь вы, послушно выполняя приказы Гитлера, тоже виноваты.

В ответ - молчание.

Так мы убедились в невысоком моральном состоянии отступавших перед нами фашистских частей.

Что касается 16-й моторизованной дивизии, то уже по окончании операции из информации вышестоящих штабов нам стало известно, что она, как и 123-я и некоторые другие дивизии гитлеровцев, была разгромлена, а остатки ее отведены в тыл.

Наиболее беспокоившим моментом в работе штаба было продвижение артиллерии и тылов. Временно пришлось изъять из разведки два легких танка для того, чтобы подтянуть тыловые подразделения танкового полка и двух

мотострелковых батальонов. К утру 3-го февраля они были уже в двух километрах от Каменки. Семьдесят лошадей и до двадцати парных повозок было направлено в тыловые колонны для подвоза горючего и боеприпасов.

Из-за тяжелого грунта расход горючего в танках оказался значительным. Частично пополнить его за счет подвоза бочек на легких танках и трофеев удалось лишь к 9-ти часам 3-го февраля. И сразу же был выдвинут для захвата Апостолово передовой отряд. Вскоре его пришлось остановить и вернуть.

Около 11 -ти часов было получено боевое распоряжение командира корпуса, коренным образом менявшее боевую задачу бригады. Она должна была повернуть на восток и к 18-ти часам овладеть Александровкой. Такой же поворот должны были осуществить другие бригады.

- Роль корпуса и нашей бригады коренным образом меняется, - резюмировал полковник Щербаков. - Очевидно, командующий фронтом решил направить корпус на Никополь с целью окружения и уничтожения Никопольской группировки противника.

- Придется нам стать на пути фашистских дивизий, которые будут вырываться из окружения.

- Это будет как под Сталинградом и Таганрогом, - заметил майор Федоров. - 6-я немецкая армия пойдет стеной, не захочет быть вновь уничтоженной.

Мы были информированы, что с этого момента корпус входил в подчинение командующего 8-й гвардейской армией.

Дорога на Александровку оказалась изрядно забитой застрявшей техникой противника, частью исправной и частью поврежденной. К тому же возобновился дождь. Поэтому по глубокой грязи двадцать километров пути танки и пешие мотострелковые батальоны прошли за пять часов и к 18-ти с половиной часам заняли северную часть Александровки, а разведгруппа вошла в соприкосновение с противником в южной ее части раньше.

Около 20-ти часов командиров, начальников политотделов и начальников штабов бригад вызвал к себе, на северную окраину Шолохова, генерал-лейтенант Танасчишин. Он заслушал доклады о состоянии бригад. Каждая бригада была разорвана на две части: воюющую - танки с десантом и командные пункты; ползущую по глубоко раскисшему чернозему, в отрыве на 15-20 км - артиллерию и автотранспорт.

- Потери личного состава в бригаде пока не превысили 70-ти человек. Из-за перегрузок много поломок на танках. Пять нами восстановлено за счет запаса агрегатов, перевезившихся на танковых тягачах, а четыре отстали из-за отсутствия агрегатов трансмиссии. Боеприпасов - полбоекомплекта, горючего - ползаправки. Колонна артиллерии прошла Каменку, тыла - на подходе к Каменке.

- А гужевого транспорт? - спросил комкор.

- 70 лошадей и 20 повозок уже направлены под горючее и боеприпасы.

Такая же картина была в других бригадах.

Заслушав предложения своих заместителей по технической части и тылу, генерал Танасчишин дал подробные указания. В частности, он потребовал:

- Неотложно усилить подвоз гужевым транспортом. Ремонт танков производить за счет снятия агрегатов с одних танков на другие, то есть из двух неисправных танков делать один.

Затем он уточнил боевые задачи бригад.

- В южной части Александровки еще фашисты. Нам решать две задачи: захват рудника и полное овладение Александровкой, - докладывал я комбригу по дороге на КП бригады. - Полагаю, что до рассвета надо атаковать фашистов в Александровке, а затем совместно с соседом слева - 15-й бригадой - перейти в наступление на противника в руднике.

- Согласен. Сейчас же поставим задачи.

Вызванные на КП командиры танкового полка и мотострелковых батальонов получили новые задачи и указания по доставке боеприпасов.

В упорном бою ночью и утром 4-го февраля противник был выбит из южной части Александровки, при этом он потерял три орудия, 42 автомобиля, 13 человек пленными и около 370-ти убитыми. Впервые прозвучали с нашей стороны редкие выстрелы 82 миллиметровых минометов из минометных рот мотострелковых батальонов, доставленных минометчиками пешком и во вьюках.

А с утра этого дня корпус тремя бригадами начал наступление из Александровки и Шолохова на восток для овладения марганцевыми рудниками имени С.Орджоникидзе. Предусматривалось, что в дальнейшем 15-я механизированная и 36-я танковая бригады разовьют наступление на Никополь, а наша бригада в районе Перевизских Хуторов перережет автомобильную и железную дороги, связывающие Никопольскую группировку с Апостолово. Марганцевые рудники, имевшие большое народнохозяйственное значение, нужно было захватить раньше, чем враг взорвет их.

15-я и 36-я бригады, начавшие наступление на час раньше нашей бригады, в напряженном бою к девяти часам овладели шахтами первого рудника. С десяти часов на правом фланге корпуса начала наступление 13-я бригада; она обогнала 15-ю и к 12-ти часам овладела вторым рудником. В упорном скоротечном бою, понеся потери, главным образом от огня танков, противник отошел на юго-восток, бросив три орудия, прицепленные к тягачам с работающими двигателями. Таким образом, в результате стремительных действий корпуса марганцевые рудники были спасены от разрушения.

В полдень бригада повернула на юг и начала продвижение в сторону Перевизских Хуторов. К югу от Александровки местность оказалась низинной, болотистой. В полукилометре от села рудником была возведена дамба высотой до шести метров, ограждавшая отстойник. Мотострелковые батальоны, преодолев ее, двинулись к Перевизским Хуторам, но были остановлены сильным артиллерийским и стрелково-пулеметным огнем. А танки могли выйти за дамбу по единственному проходу шириной до пяти метров. Первый танк был подбит, и проход оказался закрытым.

- Вот неудача! - сказал командир бригады, когда мы наблюдали это, перемещая КП к дамбе.

Но вскоре за дамбой поднялся густой белый дым, к проходу подошел второй танк и отбуксировал подбитый. Это несколько дымовых шашек южнее дамбы зажгли химики танкового полка.

- Похвально, Дедюев! - сказал ему по радио Щербаков. - Рассредоточьте за дамбой танки пошире за обоими мотострелковыми батальонами, изучите оборону фашистов. Атаку начнем после вашего доклада.

Командир подтвердил, что задачу понял.

Пока шашки горели, выбранный на дамбе НП был саперами оборудован укрытиями для наблюдения и переносных радиостанций. Когда рассеялся дым, и открылась панорама местности, просматривавшаяся во все стороны на несколько километров (дождь шел с перерывами), то, что мы увидели, поразило. Грейдерная дорога Никополь - Апостолово на просматриваемом участке Перевизная Балка, Перевизские Хутора, река Базавлук - была вся заполнена в несколько рядов автомобилями, мотоциклами, орудиями на прицепе, повозками противника. Эта армада техники в ходе движения на запад большей частью застряла в грязи. Лишь изредка по сторонам этой темно-зеленой змеи двигались в западном направлении повозки, запряженные лошадьми, да гусеничные тягачи.

- Несомненно, это тылы Никопольской группировки, - вслух подумал я.

- Значит, за ними скоро появится боевой состав. Не опоздать бы с перехватом путей отхода, - задумавшись, сказал командир бригады.

- Похоже, часть боевого состава фашисты уже отвели и поставили вот здесь, против нас, для прикрытия коммуникаций, - наблюдая в бинокль, докладывал я. - По окраинам Перевизских Хуторов, западнее и восточнее - много окопов, набитых пехотой. Да и огонь-то как артиллерии, так и пехоты - организованный.

- Это скверно... Посмотрим, что покажет атака, - шаря биноклем оборону, не сразу ответил полковник.

После 15-ти часов состоялась атака. И сразу выявилось огневое превосходство противника, в результате которого мотострелки были прижаты к земле.

- Подавите пулеметные точки, но экономно расходуйте снаряды, - передал я командиру танкового полка распоряжение комбрига.

Противотанковой артиллерии у гитлеровцев здесь оказалось единицы, что позволило экипажам уверенно вести танки в атаку и маневрировать. Принял участие в бою и минометный батальон четырьмя 82-мм минометами, доставленными пешком, при наличии для всех их лишь сорока мин.

В ходе повторной атаки бригада к 20-ти часам подошла к Перевизским Хуторам на 500 м. И тут начались контратаки многочисленной пехоты противника. В течение часа их состоялось три. Только 3-й, правофланговый мотострелковый батальон был контратакован примерно двумя пехотными батальонами численностью до 600 человек, изрядно пьяных. Батальон уничтожил не менее роты фашистов. И все же бригада вынуждена была отойти на рубеж, с которого начала атаку.

3-му батальону при отходе пришлось пробиваться через пехоту врага, пытавшуюся его окружить. При этом был смертельно ранен командир батальона майор Василий Дмитриевич Глазков, весьма опытный, грамотный и вдумчивый офицер. Мы потеряли надежного комбата. Вступивший в командование батальоном старший лейтенант В.В.Межуев не потерял управление, и умело организовал прорыв. Руководя атакой, он сам уничтожил трех гитлеровцев.

От пленных 3-й горнострелковой дивизии, захваченных в этом бою, мы узнали, что в районе Перевизских Хуторов и мостов 2 км западнее, обороняется два полка этой дивизии, усиленные артиллерией.

Так начались ожесточенные бои у Перевизских Хуторов, ставшие особо памятной вехой в истории корпуса и бригады. Они продолжались до 10-го февраля.

Полученная в середине дня 5-го февраля весть о взятии 8-й армией важного железнодорожного узла Апостолово очень обрадовала. Это означало, что 6-я гитлеровская армия лишилась не только главной базы снабжения, но оказалась раздвоенной, причем, над ее Никопольской группировкой нависла опасность окружения.

- Сейчас, боясь быть отрезанными, фашистские соединения ринутся на запад, то есть прямо на нас, - докладывали мы с начальником разведки командиру бригады. - Пойдут с танками, если они не завязнут. Вот уже и перебросили с плацдарма сюда 3-ю горнострелковую дивизию на прикрытие путей отхода.

- Как жаль, что артиллерия не может вылезти из грязи. Без нее будет тяжело, а ведь перехватить пути фашистам и удержаться надо, во что бы то ни стало, - заключил наши раздумья Никодим Ефремович.

По распоряжению командира корпуса вечером бригада сдала свой рубеж 14-й бригаде и ночью атаковала противника в Соцгороде. В результате короткого боя она овладела поселком, отбросив гитлеровцев на восток. Вскоре, как из-под земли, появились женщины и дети; они со слезами обнимали воинов, восклицая: "Наши пришли! Наши!"

Предположение о возможных действиях противника, высказывавшееся накануне штабом, 6-го февраля подтвердилось. Оказавшись теперь уже на левом фланге корпуса, бригада с утра перешла в наступление на Перевизские Хутора с северо-востока. Резко уступая в численности пехоты, она и на этот раз брала верх, за счет танков, которых фашисты здесь не имели. К полудню продвижение составило 1-1,5 км. И тут была обнаружена колонна вражеской пехоты, не менее пехотного полка, двигавшаяся с востока от Никополя к Перевизской Балке. Ни танков, ни артиллерии в ней не просматривалось.

Приняв доклад командира бригады по радио, генерал-лейтенант Танасчишин приказал временно перейти к обороне.

Так начались бои с войсками гитлеровцев, непрерывно отходившими с Никопольского плацдарма.

Подошедшая группировка атаковала бригаду в период с 18-ти до 20-ти часов трижды и, используя численное превосходство, потеснила ее к Соцгороду, но большего достичь не смогла. При этом она понесла большие потери, особенно от огня танков.

Были потери и у нас, но в подавляющей части ранеными. Здесь, как и в предыдущие дни, отличились медики, в первую очередь, санинструкторы и санитары. Например, санинструктор 1-го батальона старшина К.Т.Ганжа вынес из-под огня 26 раненых. Вскоре он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В ночь на 7-е февраля полковник Щербаков был вызван командиром корпуса. После уточнения задачи бригады генерал Танасчишин предупредил, что командующий 8-й гвардейской армией генерал Чуйков действиями корпуса не доволен.

- Искуснее ведите огонь и лучше используйте ночь, - потребовал он.

Наши тылы барахтались в грязи восточнее Каменки. Повозками смогли подвезти лишь мизерное количество боеприпасов, поэтому к утру 7-го февраля в

подразделениях имелось 0,2 боекомплекта, что составляло 10-11 снарядов на танк, 35-40 патронов на автомат и карабин, 60 - на пулемет.

Возросли и потери. В ротах обоих мотострелковых батальонов в строю оставалось по 20-40 бойцов. Все это усложнило решение задачи по перехвату путей отхода Никопольской группировки.

Днем 7-го февраля мы вели подготовку к очередному наступлению на Перевизские Хутора. Прикрывая отход, противник оборонял рубеж каменоломни, Перевизские Хутора, Перевизская Балка. Его пешие колонны одна за другой шли на запад через эти населенные пункты, и было тяжело смотреть на то, что это движение не было сил пресечь.

Вблизи нашего НП, оборудованного на насыпи железнодорожной ветки, шедшей через Соцгород на рудники, расположился НП одного из дивизионов артиллерийского полка 57-й стрелковой дивизии.

- Что представляет и чем располагает ваш дивизион? - спросил я командира.
- Гаубичный, на конной тяге. Имею по 12-14 выстрелов в передках.
- Не густо! Но давайте действовать вместе.
- Доложу командиру полка.

В этот момент прибыли на двух "Виллисах" два генерала и два офицера и поднялись к нам на насыпь. В шедшем первым, я узнал командарма генерал-полковника В.И.Чуйкова. Он был взволнован, сердит и, не дослушав моего рапорта, резко спросил:

- Почему вы не в Перевизских Хуторах? Где комбриг?
- Полковник Щербаков говорит по радио с комкором, - показал я на стоявшую внизу автомобильную радиостанцию. - Послал сообщить о вашем прибытии.
- Доложите, где бригада?

Я показал на местности положение бригады, соседей и противника, доложил данные о нем по показаниям пленных.

- Сколько же у вас тут танков?
- Девять Т-34 с танком командира полка и два легких в разведгруппе.
- А где остальные?
- Четыре Т-34 ремонтируем, вернее, стараемся из четырех сделать два, и три легких танка тянут автомобили с боеприпасами.
- Почему из четырех танков делаете два? Я объяснил.
- Откуда вы взяли 3-ю горнострелковую дивизию? Такой в 6-й немецкой армии нет, - решительно возразил командарм, обращаясь к представившемуся полковнику Щербакову и ко мне.
- Она из 4-го армейского корпуса гитлеровцев, отведена с плацдарма, - ответил я.

Генерал Чуйков задал такой же вопрос одному из сопровождавших его офицеров, видимо, разведчику, и тот с картой в руках подтвердил сказанное нами.

Задумавшись и понаблюдав через бинокль, командарм продолжал:

- Опоздали мы. Да и сил маловато, некомплект душит... Почему ждете для наступления ночь?

- У противника превосходство в людях и артиллерии. А ночью наши силы увеличиваются, так как фашисты боятся танков, да и огонь их артиллерии теряет точность.

Подозвав командира артдивизиона 57-й дивизии, командарм сурово спросил:

- Видите эту огромную колонну, идущую на запад, к мостам?

- Вижу.

И повысив голос, вскричал:

- Почему, черт возьми, не стреляете?

- У меня 50 снарядов на четыре гаубицы. Если их израсходую, то атаку пехоты не поддержу.

- Не болтайте! Открывайте огонь!

Командир дивизиона бросился подавать команды. От шести пристрелочных разрывов колонна противника рассредоточилась, но не прекратила движение.

- Ту-тут нужна с-стрельба со-сотнями снарядов с максимальным те-темпом, - волнуясь, проговорил Щербаков.

- Сам знаю! Стой! Прекратить огонь! - приказал командарм командиру дивизиона. - Лучше поддержите мехбригаду.

И, обратившись к Щербакову, потребовал:

- А вам, комбриг, сегодня ночью Перевизские Хутора взять!

- Слушаюсь! - ответил Никодим Ефремович, - поспешая немолодой походкой за быстро шагающим к машине командующим армией.

И в ночь с 7-го на 8-е февраля была предпринята новая попытка овладеть Перевизскими Хуторами совместно с наступавшей правее 14-й бригадой. К трем часам 8-го февраля бригаде удалось ворваться на восточную окраину деревни, но противник контратакой превосходящих сил пехоты отбросил ее обратно, причем, вырвавшись из окружения 1-й мотострелковый батальон, командиром которого был капитан В.Д.Мозговой, понес большие потери.

Утром 8-го февраля мы получили информацию из штаба корпуса об освобождении Никополя совместными действиями войск 3-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта и 6-й армии 3-го Украинского фронта.

И колонны отходящих гитлеровцев становились все плотнее. Они уже жгли застрявшую технику и начали жечь деревни. Мы же были значительно обескровлены и крайне экономно стреляли.

- Хотя бы хвост фрицам отсечь, - с досадой и мечтательно проговорил полковник Щербаков. - Где, вы думаете, танки фашистов?

- Из-за поспешного отхода 13-я и 17-я фашистские танковые дивизии, полагаю, оставили их в грязи на плацдарме: ведь для вытаскивания и переправы через Днепр нужно время, а его нет, - не без радости ответил я.

- Значит, мы достигли уже многого. Угроза окружения, которую сотворил наш корпус, стоила гитлеровцам не обозного хвоста, а потери бронетанковой и другой техники.

- Конечно.

- И все же хвост из живой силы нам надо отсечь.

Лишь в ночь с 9-го на 10-е был достигнут некоторый успех.

К 16-ти часам 9-го февраля прибыло около двадцати повозок с боеприпасами и дизельным топливом. Были и мины, и танковые выстрелы. В течение двух часов все это поступило в подразделения.

С 18-ти часов 9-го февраля корпус начал наступление на Перевизские Хутора тремя мехбригадами, причем 13-я гвардейская мехбригада оставалась на левом фланге боевого порядка и имела прежнюю задачу - овладеть восточной частью деревни. Отразив с 23-х часов сильную контратаку, бригада овладела центральной частью Перевизских Хуторов и закрепились. В этом бою удалось захватить до полусотни лошадей.

Западнее того же рубежа достигли 15-я и 14-я мехбригады. Этот успех, однако, не позволил пресечь движение колонн противника, переместившееся на железную дорогу, идущую на Апостолово.

А утром 10-го февраля по распоряжению комкора бригада сдала занимаемые позиции 170-му гвардейскому стрелковому полку 57-й гвардейской стрелковой дивизии, сосредоточилась в Александровке для совершения марша в Апостолово.

К сожалению, овладеть сильным опорным пунктом и пресечь отход колонн противника на запад не удалось: ни сил, ни средств не хватило. Но и здесь корпус нанес большой урон противнику, о чем свидетельствовало множество трупов на подступах к Перевизским Хуторам и на улицах этого населенного пункта.

После 30-километрового тяжелого марша бригада боевым составом к 14-ти часам 11-го февраля сосредоточилась на западной окраине Апостолово, пополнившись по пути из своих тыловых подразделений боеприпасами и горючим. Противник в этот день нанес контрудар с юго-востока с целью вернуть себе Апостолово. На острие контрудара действовала 24-я танковая дивизия. Немало танков ее, особенно новых образцов, застряло, но частью их она прорвалась в Большую и Малую Костромки. И 4-й гвардейский мехкорпус, составив здесь второй эшелон 8-й гвардейской армии, вел бои с прорывающимися через боевые порядки 28-го стрелкового корпуса группами танков и пехоты. В отражении этого контрудара он участвовал с 12-го по 17-е февраля.

Наша бригада, находясь в резерве корпуса, в этом не участвовала. Она пришла в Апостолово, имея 47 стрелков, одно 45 мм орудие на конной тяге и полдесятка танков, в основном неисправных; столько же исправных танков она передала в другие бригады. С 14-го февраля начал двумя-тремя орудиями в день подтягиваться артдивизион. Переместившись, с 13-го по 17-е бригада располагалась в Александровке, 17 км северо-западнее Апостолово. А с 20-го февраля, когда корпус был перегруппирован под Кривой Рог, она расположилась в Свистуново, 20 км на юг от Кривого Рога.

С 16-го февраля наступило похолодание. На подмерзшую почву выпало много снега. Этим мы воспользовались и собрали, наконец, бригаду в одно место. Началась напряженная работа по восстановлению техники и вооружения, по получению и обучению пополнения.

22-го февраля войсками фронта был взят Кривой Рог. И через несколько дней закончилась начавшаяся 30-го января операция, названная впоследствии Никопольско-Криворожской.

Итак, 6-я гитлеровская армия избежала полного уничтожения, но понесла сокрушительное поражение. Более десятка ее дивизий лишились техники, тяжелого вооружения, материальных средств и военно-технического имущества. Велики были потери и в людях. В конце 60-х годов, знакомясь с книгой немецкого историка К.Типпельскриха "История второй мировой войны", я заинтересовался, в частности, и его оценкой поражения 6-й армии под Никополем. Он не без оснований приравнял его к Корсунь-Шевченковской катастрофе.

А нашей стране были возвращены Криворожский железорудный бассейн и Никопольские марганцевые рудники. Командование фронтов, особенно 3-го Украинского, превосходно подготовило и провело наступательную операцию в условиях распутицы.

Большой вклад в успех операции внес и 4-й гвардейский механизированный корпус, за что удостоился награждения орденом Красного Знамени.

(Имеется в виду окружение и уничтожение крупной немецко-фашистской группировки под Корсунь-Шевченковским войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов в феврале 1944-го года).

В успешные действия корпуса немалый вклад внесла и 13-я гвардейская механизированная бригада. Она уничтожила более 850-ти солдат и офицеров противника, взяла в плен 343 человека, сожгла и подбила 9 танков, более 80-ти автомашин, захватила трофеи: пушек - 8, автомашин - 329, тракторов - 12, лошадей - 130, повозок - около 120, складов разных - 6.

В трудных условиях распутицы более умелыми, стойкими и мужественными оказались советские воины, их авангард - гвардейцы-танкисты. Лучше показали себя и советские танки: они прошли, а немецкие застряли. Не боясь обидеть другие рода войск бригады, мы во весь голос говорили тогда: операция выиграна благодаря нашим танкам.

Большое число воинов было удостоено правительственных наград. Весь личный состав корпуса получил благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Победная операция изменила моральное состояние личного состава. Многократно возросла вера воинов бригады в свои силы. "Мы не разучились после Сталинграда и Миуса бить фашистов!" - часто слышалось в эти дни.

Мое настроение, настроение офицера, впервые ощутившего счастье большой победы после многих неудач, трудно передать словами. Могу лишь сказать, что именно тогда, в феврале 1944-го года, я поверил в то, что уже умею воевать.

Потери в людях бригада понесла во много раз меньше, чем противник. Но боль утрат - 163 человека погибших, в том числе 25 офицеров, - постоянно обжигает сердце. Они лежат в братских могилах Днепропетровской области, в том числе в Перевизских Хуторах - 77, в Александровке - 47, в Соцгороде - 15 человек. Из 163-х человек 139 погибли в боях за Перевизские Хутора...

... В послевоенное время рядом с марганцевыми рудниками образовался город, получивший название Орджоникидзе. В начале февраля 1994-го года он отмечал

пятидесятилетие освобождения своей земли от фашистских захватчиков. На торжества была приглашена группа участников боев, в том числе и я.

Прекрасно организованное Горсоветом мероприятие, внимание, проявленное к освободителям, тронули нас до глубины души. Но особенно взволновал вид превосходно обустроенных и ухоженных братских могил.

Братская могила в Перевизских Хуторах - самая большая. Здесь покоится прах более четырехсот воинов и каждый пятый - из 13-й гвардейской мехбригады. На плитах из красного гранита высечены звания, фамилии и инициалы погибших. И с грустью и радостью, что не забыты, читал я фамилии своих однополчан: майора Глазкова В.Д., старшего лейтенанта Шевченко И.А., лейтенанта Панферова В.А., старшего сержанта Скорика Г.И., сержанта Дмитриевой Г.А., рядового Блохина и других.

Мы покинули гостеприимный город с чувством глубокого удовлетворения увиденным, благодарности ко всем, кто свято хранит память павших за Родину...

2. Очередное поражение "мстителей "

В последней декаде февраля бригада располагалась в селе Свистуново и в ближайших к нему населенных пунктах, в 20-30-ти километрах юго-восточнее Кривого Рога.

Те дни совпали с 26-й годовщиной Красной Армии. Похвала Верховного Главнокомандующего, его вдохновляющий праздничный приказ, новые и новые сообщения об освобождении городов и сотен населенных пунктов на правобережье Украины, разгром крупной группировки врага под Корсунь-Шевченковским вызвали восторг и новый прилив энтузиазма. Отославшиеся и отдохнувшие гвардейцы вместе с тем полнее и глубже ощутили значение собственного вклада в одержанную в завершившейся операции победу - победу долгожданную после неудач на Никопольском плацдарме. Требовалось этот энтузиазм и командирам и политработникам направить на всестороннюю тщательную подготовку к дальнейшим боевым действиям.

Однако не все звенья действовали энергично. Еще в начале прошедшей операции полковник Щербаков заметил недостаточную активность и оперативность начальника политотдела, а подполковник Листухин существенно не среагировал на замечания комбрига. Комбриг все чаще стал давать поручения заместителю начальника политотдела майору Павлу Егоровичу Зубову, отличавшемуся стремлением как можно чаще быть в подразделениях.

В описываемые дни добавилось еще ряд моментов. Распространились разговоры, прежде всего, в среде офицеров, в которых выражалось недовольство тем, что 14-я гвардейская механизированная и 36-я гвардейская танковая бригады удостоились почетного наименования "Нижнеднепровских", а наша обойдена. Такие настроения пользы делу не приносят, но и пресечь их не трудно. К тому же политотдел затянул оформление писем в местные органы власти по жалобам солдат и офицеров, касавшимся бед их семей. И еще: полковник слышал, как Листухин в резкой форме высказал в мой адрес недовольство помещением, отведенным политотделу.

И мне пришлось быть свидетелем первой серьезной размолвки комбрига со своим заместителем по политической части.

- Никодим Ефремович, - докладывал Листухин, - начальник политотдела корпуса полковник И.Н.Козлов потребовал прекратить нездоровые разговоры, выражающие обиду на то, что бригада не была представлена к почетному наименованию. Прошу собрать командиров и замполитов и дать указания.

Немного заикаясь, как всегда при волнении, полковник высказался довольно жестко:

- Ра-ради этого вызывать? Ра-разве эти разговоры влияют на боеспособность? К тому же командиры на занятиях в поле и даже в небоеые дни не спят. Разговоры же можно пресечь одним командирским словом, устыдив гвардейцев в нескромности.

- Как же с распоряжением Козлова?

- Выполняйте его, общаясь с командирами и политработниками там, где они дело делают. Вас не часто видят, используйте этот случай.

- На это дня не хватит, - насупившись, возразил Листухин.

Немного горячась и повысив голос, комбриг бросил:

- Нет времени? Однако вы его на-находите, чтобы часами осматривать хаты в Свистуново и претендовать на лучшее расположение политотдела, чем штаб. Но почему орган управления, на который я опираюсь каждую минуту, должен быть расположен хуже политотдела?

И уже более спокойно продолжил:

- А не вы ли поддержали эти нескромные разговоры на совещании политработников? Вот и расхлебывайте теперь.

Меня этот разговор и ободрил и огорчил: ободрил поддержкой командира, огорчил моей причастностью к неприятному диалогу.

С середины февраля начало подмораживать. На замерзший грунт в последующие дни лег снег толщиной 10-20 см. Дороги стали проезжими. Бригада собрала технику, материальные средства, обогатившись ценными трофеями: хорошо оснащенными реммастерскими на базе трехосных автомобилей повышенной проходимости фирмы "Крупп", радиостанциями "Телефункен" на автобазе и переносными, 20-мм автоматическими прицепными зенитными пушками "Эрликон", сотней грузовых автомашин.

Приняв небольшое пополнение из госпиталей и танки из ремонта, мы развернули боевую подготовку. Ей предшествовало обобщение опыта передвижений и наступления в условиях распутицы, проведенной штабами бригады, танкового полка, батальонов и дивизиона. Выводы и предложения полковник Щербаков тщательно рассмотрел, внес поправки и дополнения, обсудил с командирами на совещании и дал указания.

- Морозный и снежный конец февраля здесь редкость, - подчеркнул он. - Уже в ближайшие дни придет весенний этап распутицы, в условиях которого придется продолжить наступление. У нас по-прежнему будет два мотострелковых батальона, роты которых и батальоны в целом учить наступать как за танками, так и в танковом десанте, не забывая привлекать артбатареи и минометные роты.

Затем он указал, как оснастить артиллерию.

- В батальонах поставить одно-два орудия, в артдивизионе - четыре на конную тягу, в минометных ротах по два миномета нести во вьюках. Всех лошадей из

подразделений тыла бригады передать в тылы батальонов и артдивизиона для перевозки боеприпасов.

По решению командира штаб совместно с командованием полка и батальонов провели пробную экипировку бойца дополнительным количеством боеприпасов и загрузку танка -увеличенным количеством боеприпасов и горючего.

В результате эксперимента, в котором командиры и политработники на себе проверяли терпимость дополнительной нагрузки, было решено сверх положенных норм иметь: на единицу стрелкового оружия - три, на танк - один боекомплект боеприпасов и одну заправку. Кроме того, у мотострелков, не входящих в десант - по две 82 мм мины или по два 45 мм снаряда.

Конечно, дополнительные боекомплект боеприпасов за броней и на броне и заправка горючего на броне танка стесняли действия экипажа, исключали круговой поворот башни и снижали его подвижность, но опыт действий в распутицу диктовал эти меры, как единственно возможные.

Пишу об этих мерах подробно для того, чтобы читатель, прежде всего молодой офицер, не только представил себе цену победы, но и понял то, с каким упорством и настойчивостью велся поиск решений, чтобы в труднейших условиях превзойти противника в мастерстве.

С усиленными мотострелковыми батальонами под руководством командования бригады состоялись учения, в ходе которых отрабатывалось как взаимодействие, так и приемы ускоренного передвижения мотострелковых подразделений по танковых колеям. Например, в начале учения с 1-м батальоном его командир капитан В.Д.Мозговой пояснил офицерам:

- Вот я пробил слой застывшего под снегом грунта, и что видите? Погружаюсь в грунт, как на болоте! Прodelайте это сами.

Офицеры проделали, и с ними произошло то же самое.

- А теперь станьте со мной рядом в колею, только что проложенную гусеницей танка. Ноги внизу уперлись в уплотненный грунт, погрузились на ту же глубину, но в воду. Обувь намокает одинаково, но идти значительно легче.

О наших расчетах комбриг считал долгом доложить командованию корпуса. По его указанию, прибывшему на учение 1-го батальона начальнику штаба корпуса я изложил выработанные соображения. На этот раз генерал Жданов был доступен, без обычной суровости, что в мыслях я связал с получением им накануне ордена. Выслушав, заставив кое-какие цифры из расчетов повторить, он ответил:

- Мероприятиями такого рода мы занимаемся. Сегодня или завтра получите указания.

Действительно, на следующий день было получено распоряжение. Наши проработки ему не противоречили.

Короткая пауза между боями заканчивалась. А несколькими днями раньше пришел конец хорошей погоде: хлынули дожди, снег быстро растаял, грунт раскис; ручьи стали речками, поднялась вода в Ингульце.

2-го марта распоряжением штаба корпуса предписывалось бригаде на участке шириной 2 км оборудовать две переправы через Ингулец: одну - для техники, другую - для пешего и конного состава бригады. Бригадный инженер капитан Ни-

колай Николаевич Семененко получил задачу выбрать места для переправ и доложить мне на берегу реки утром 3-го марта.

Среднего роста, неизменно в очках, всегда корректный и с начальниками, и с подчиненными, он в то же время отличался твердой волей, настойчивостью и смело брал на себя ответственность.

Еще затемно 3-го марта мы с ним выехали на избранные места переправ, выдвинув к реке испрошенных им еще ночью при докладе 100 человек стрелков и два малых танка.

- А танки зачем? - спросил я его.

- Для натягивания тросов подвешенного моста.

Шел дождь, тяжелые облака прижимались к земле. Легкий танк Т-70, на котором мы следовали, медленно, с натугой двигался, погружаясь гусеницами в землю. Против северной окраины Широкого лежали на земле и пружинили в быстрой воде плети стальных тросов обрушенного подвешенного моста. У головного сооружения этого моста Семененко доложил:

- Барабаны исправны, оттянутые концы закрепим на блоках, накроем настил и... пешеходный мост в строю.

Через 400 м вниз по течению, на восточном низком берегу поймы Николая Николаевича показал створ моста для переправы техники. Инженерно-минная рота уже трудилась.

- Основное русло реки перекроем мостом на рамных опорах, - докладывал инженер, - а по пойме длиной 80 м отсыпем дамбу, защитив ее от размыва камнем из карьера, который рядом. Через мост вода, по мере подъема ее уровня пойдет перекатом, поэтому для устойчивости его края тоже загрузим камнем.

Капитан Семененко как доложил, так и сделал причем своевременно: к утру 5-го марта мосты были готовы. Образованный инженер-строитель, он творчески подходил к решению всякой, возникавшей перед бригадой задачи инженерного обеспечения. Не припомню, чтобы он где-то подвел.

3-го марта генерал-лейтенант танковых войск Танасчишин ориентировал командование бригады о роли и месте 4-го гвардейского мехкорпуса в новой наступательной операции 3-го Украинского фронта.

- В составе ударной группировки фронта применяются две подвижные группы: фронтовая, конно-механизованная, в которую входят 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпус, вводимая в прорыв в полосе 8-й гвардейской армии, и армейская, 23-й гвардейский танковый корпус, действующая в полосе 46-й армии. Главный удар фронт наносит в общем направлении Цветков, Новый Буг, далее на юг, в тыл группировке фашистских войск, действующей восточнее Николаева. С выходом войск 8-й армии на рубеж Загородный, Цветков, Карповка, корпус вводится в прорыв с задачей завершить разгром частей 3-й горнострелковой дивизии и, преследуя противника, на второй день, совместно с 4-м кавкорпусом, овладеть городом Новый Буг. В дальнейшем развивать успех на юг в направлении Баштанка, Бармашово. Слева вводится в прорыв кавкорпус, справа, на удалении 15-20 км - 23-й, танковый.

Затем комкор объявил свое решение, по которому корпус вводился в прорыв в двухэшелонном построении. В первый эшелон назначались 15-я механизированная и 36-я танковая бригады, во второй - 13-я и 14-я механизированные бригады. К рубежу

ввода в прорыв, корпус выдвигался двумя колоннами: в правой - 15-я бригада и приданный корпусу 212-й танковый полк; в левой колонне - 36-я танковая, 13-я и 14-я механизированные бригады, два самоходных и приданный 35-й танковый полки.

Задачей 13-й бригады было, развертываясь из-за левого фланга 36-й танковой, войти в прорыв с рубежа Анновка (2 км севернее Андреевки), Андреевка и, преследуя противника, к исходу первого дня овладеть Троицко-Сафоново, второго дня - северо-восточной частью города Новый Буг.

Готовность к вводу в прорыв назначалась к шести часам 6-го марта.

При разработке соображений по решению для доклада комбригу мы в штабе не были первоначально едины. Если придется допрорывать оборону, то танковый полк лучше раздать на усиление мотострелковым батальонам, а если сразу преследовать, то в первый эшелон целесообразно поставить танковый полк с десантом.

- Боевой порядок, построенный для допрорыва, пригодится и для преследования, - настаивал майор Федоров.

- Но в этом случае то небольшое количество танков, которое у нас есть, наполовину будет в главных силах, как бы зарезервировано, - возражал я.

Тут вовремя вмешался начальник разведки.

- Во втором эшелоне у противника 24-я танковая дивизия, а это "Пантеры" и "Фердинанды". Что с ними сделает слабенький авангард?

- Точно! В данном случае нужно иметь впереди побольше танков. Назначим головной отряд в составе усиленного танкового полка, придав ему в качестве десанта две роты 3-го батальона. А главные силы поведем в таком порядке: артдивизион, 1-й и 3-й батальоны, минометный батальон, тыловые подразделения. КП бригады - в голове главных сил.

С этим согласились все.

Такое решение диктовалось также ограниченностью наших сил. Бригада имела: личного состава - одну треть от штатной численности, танков Т-34 - 8 единиц или 23%, легких - 8, орудий 76 и 45 мм - 10 из 24-х, минометов 82 и 120 мм - 8 из 36.

Определив танковому полку и батальонам рубежи и районы, которые они должны были достигнуть по дням, я доложил комбригу изложенные выше соображения. Полковник Щербаков согласился с предложенным, и штаб до конца дня 3-го марта довел задачи до полка и подразделений. К середине дня 4-го марта боевые задачи знал весь офицерский состав.

Утром 5-го марта бригада перешла в выжидательный район в северной части села Широкое (12 км южнее Кривого Рога). Здесь проводилась непосредственная подготовка к вводу в прорыв: рекогносцировки с целью изучения и обозначения маршрутов к переправам и от них, к исходному району и до рубежа ввода в прорыв; организация взаимодействия со стрелковой дивизией 8-й армии, через боевой порядок которой предстояло пройти; доукомплектование подразделений повышенными запасами боеприпасов и горючего.

К вечеру того же дня мы были уже в исходном районе на западном берегу Ингульца. Дамба с мостом, через которую в трех местах шла вода, выдержала переправу не только техники бригады, но и 35-го отдельного танкового и 292-го самоходного полков. Движение растянулось на три часа.

Первоначально не ладился переход по подвесному мосту: он раскачивался. Но вскоре нашли решение: двигаться парами с дистанцией четыре шага, держась за канаты, и друг за друга.

Чтоб не потерять управление, пришлось для буксировки радиостанций, обеспечивающих связь со штабом корпуса и с подчиненными подразделениями, взять два легких танка Т-70. Вся разведрота, большая часть роты управления и штаб сели на лошадей. Автотехнику, кроме некоторых трофейных машин повышенной проходимости, решено было оставить в исходном районе.

Теперь и нам пришла пора добывать сведения о противнике собственными силами. Поэтому в ночь на 6-е марта в боевой порядок, изготовившейся к наступлению стрелковой дивизии, были высланы дозоры и НП от разведроты и разведвзвода танкового полка.

В последние часы 5-го марта состоялись беседы командования бригады с личным составом. С танкистами и десантом встречались начальник политотдела корпуса полковник Козлов и подполковник Листухин, я - с мотострелками, а Щербаков собрал воинов, прибывших на пополнение. Он кратко изложил боевую задачу бригады, отметил, что фашисты морально надломлены и при организованном натиске не устоят, основное внимание уделил тем особенностям действий, которые диктует распутица. А в заключение сказал:

- Гвардейцы! Будем помнить: у человека одна мать, одна у него и Родина. Сделаем новый шаг к ее полному освобождению! За дело!

В 10 часов 6-го марта округа наполнились грохотом выстрелов и разрывов, а земля - содроганием. Это 8-я гвардейская армия начала артподготовку. Вскоре ее дивизии перешли в атаку, что означало, что нам надо быть в готовности двинуться в прорыв в любую минуту.

Мы были готовы. Бригада стояла в колонне за 36-й танковой бригадой. Вид колонны был непривычный и довольно живописный. За танковым полком с десантом попеременно выстроились кони с седоками, орудия на конной тяге и на прицепе за вездеходами "Крупн", пешие мотострелковые подразделения, минометчики с вьюками, конные повозки тылов батальонов и бригады.

Конечно, как кадровый танкист, я чувствовал себя на худеньком "воронке" не в своей тарелке. Но ведь на войне всякое бывает, случилось и это.

Ровная черноземная степь далеко просматривалась, кроме тех направлений, которые пересекались несколькими лесополосами. Через каждые 4-6 км местность прорезали обрывистые, как огромные промоины, овраги и балки, тянувшиеся с севера на юг.

Подъехали к командиру танкового полка майору Дедюеву. Увидев озабоченное лицо, спросил:

- Что беспокоит, Владимир Дмитриевич?

- Да все то же, "Фердинанды" и "Пантеры" 24-й дивизии фрицев.

- Надо их обмануть..., - неопределенно сказал я.

- Каким образом?

- Атаковать в темноте...

- Но ведь ввод в прорыв произойдет днем?

- А может, и в темноте. Нельзя на рожон лезть!.. Лучший вариант - атаковать в темноте, имея мотострелков частью впереди интервалов между танками, частью в

интервалах, не считая десанта. Те, что впереди, осветят ракетами. Экипажи увидят танки и штурмовые орудия противника на близком расстоянии и поразят, а ваши танки будут в тени.

- Хороший вариант, но от нас он не зависит.

- Согласен. Однако будьте к нему готовы.

Крепко пожав друг другу руки, взаимно пожелали успеха в предстоящих действиях.

Первоначально рубеж ввода корпуса в прорыв был назначен в одном километре восточнее хутора Цветков. Но как часто бывало ранее, стрелковые дивизии до 13-ти часов не смогли прорвать оборону гитлеровцев, и достичь указанный рубеж. И командование фронтом приказало конномеханизированной группе (КМГ) завершить прорыв и выполнять свою задачу.

Корпус первым эшелоном в 15 часов 30 минут атаковал 16-ю моторизованную и 3-ю горно-стрелковую дивизии, но сразу столкнулся с 24-й танковой дивизией, которая выдвинулась заранее и укрепила их крайне слабую оборону. Атака замедлилась, а затем остановилась.

В это время наша бригада, двигаясь за 36-й бригадой, уже развернулась в предбоевой порядок. КП расположился на поле, с которого не только с помощью биноклей, но и невооруженными глазами, мы видели в двух километрах западнее, за цепочкой окопов противника, линию танков "Пантера", и несколько сзади них - штурмовых орудий "Фердинанд". Видимость из-за дождя ограничивалась этими пределами. Примерно на фронте до двух километров мы насчитали 10 танков и 8 штурмовых орудий. Артиллерийский огонь со стороны противника был несильный, а со стороны 8-й гвардейской армии достаточно мощный. Авиация не действовала.

Уже в самом начале атаки в первом эшелоне корпуса загорелось пять танков и самоходно-артиллерийских установок, а у противника - один.

- Что мы, Обатурыч, с вами ожидали, то и произошло: танковая дивизия фашистов стала стеной, - с горечью проговорил полковник Щербаков.

- Сейчас введут в бой нашу бригаду, а надо бы с наступлением темноты, - ответил я. - Соотношение невыгодное: 43 танка и САУ, движущихся против 18-ти неподвижных с лучшими орудиями.

Мы на время замолчали, но каждый из нас думал об одном и том же: нельзя потерять танки и САУ в первые часы многодневной операции. Без них в сложившихся погодных условиях наступать невозможно.

- Товарищ полковник, наверное, сейчас получим сигнал. Давайте попросим комкора атаковать не ранее 18-ти часов, то есть с наступлением полных сумерек.

- Разве меня послушают! - с досадой ответил комбриг.

Будучи старше на 8-10 лет и опытнее обоих генералов, Никодим Ефремович в предыдущих операциях не стеснялся высказывать свое мнение, что не всегда нравилось.

Тотчас же по радио нас вызвали к командиру корпуса. Для ускорения последовали не на лошадях, а на легком танке. Генерал-лейтенант Танасчишин сидел за насыпным земляным укрытием на раскладном стуле в окружении нескольких подчиненных и с кем-то резко говорил по радио. Начальник штаба

корпуса подозвал Щербакова и меня и, показывая на местность, тихо, но твердо сказал:

- Атаковать тотчас из-за левого фланга Ивлиева и взять Цветков. Поняли?

- Есть, понял, - ответил командир бригады.

Я нанес направление атаки на карту. Генерал Жданов вопросительно покосился на меня. Мне положено было молчать после ответа моего командира, хотя тревожная мысль сверлила душу: решено атаковать засветло! А в сознании стояли взволнованный командир танкового полка и напряженные взгляды танкистов. Но как будем продвигаться 150 км без танков, хотя настоящих-то их всего восемь? Это рождало решимость.

Закончив разговор, комкор резко повернулся в нашу сторону, а Никодим Ефремович доложил о прибытии. По жесту начальника штаба генерал Танасчишин понял, что задача командиру бригады поставлена и распорядился:

- Одна нога здесь, другая - уже в бригаде и - вперед! Затем он приказал командиру 36-й бригады подполковнику Ивану Дмитриевичу Ивлиеву:

- Как 13-я сравняется с вами, так вместе с ней атакуйте. Не топтаться!

Быстро, насколько позволяла ситуация, я обратился к командиру корпуса:

- Товарищ генерал, задача глубокая, ее выполнять танками. Как вы убедились, атакуем днем - танки потеряем. Сдвиньте атаку всего на час-полтора. В начале ночи танки и штурмовые орудия фашистов не смогут точно стрелять, а наших численно больше, они проскочат, к тому же более проходимы.

- Что еще за разговоры! У меня приказ - войти в прорыв!

- Корпус уже вошел в бой, приказ выполняется. Ночью наверху. Просим час, всего час! - настаивал я.

Смерив меня недобрый взглядом, комкор вдруг остановился, посмотрел на Ивлиева, одобрительно скосившегося на меня и... отрезал:

- Согласен! Атака для всех в 18.00. За пять минут до этого - огневой налет артиллерии и минометов. В стык между 15-й и 36-й бригадами ввести в бой 35-й танковый и 292-й самоход-но-артиллерийский полки.

Мы засветло уточнили задачи головному отряду, батальонам и дивизиону и начали развертывать бригаду в боевой порядок левее 36-й.

В 18 часов после огневого налета по единому сигналу корпус возобновил атаку. Танки, натужно гудя, двинулись вперед при свете ракет и открыли огонь. Гусеницы глубоко врезались в землю, по их следам спешили вперед змейки стрелков.

КП перемещался за танковым полком. Средь треска стрельбы и грохота разрывов, блеска трасс снарядов и пуль прозвучало привычное "Ура" наших батальонов.

- С успешным началом вас! - громко кричал по радио командиру полка и комбатам полковник Щербаков. - Обходите топи и овраги, не застряньте.

Вскоре КП стал двигаться непрерывно: танки все же давали скорость до шести километров в час. Остались позади окопы противника, местами были видны трупы, горело несколько танков в глубине. "Может, это наши!" - встревожила догадка.

- Первый, я одиннадцатый, есть ли потери? - спрашиваю командира полка.

- Один поломался, остальные идут, - ответил майор Дедюев.

"Где же фашистские танки?" - спрашиваю себя. "А если противник их отвел и с утра начнет нас жечь?" - обожгла мысль.

С ходу, без серьезного сопротивления головной отряд к 20-ти часам овладел полусожженной Андреевкой. Донесли в штаб корпуса, в ответ радиogramма Жданова "Так держать! Не останавливаться!"

Поравнялись со сгоревшей "Пантерой", невдалеке - еще две машины. Я спешил, подошел к первой из них. Это было штурмовое орудие "Фердинанд". Исполин, с длиннущей пушкой во время разворота для отхода глубоко зарылся в грунт, его катки - тарелки намотали на себя столько грунта, что сомкнулись, а двигатель не смог уже провернуть гусеницы. Экипаж поспешно бежал, оставив работающим двигатель и включенным внутреннее освещение. То же случилось в 15-ти метрах с "Пантерой". В темноте, на фоне неба разглядел силуэты еще нескольких машин.

- Что с ними? - спросил полковник, когда я догнал его. Я с радостью воскликнул:

- Они не ушли! Понимаете, не ушли, сели и горят! Как хорошо! А наши танки идут!

Так в эту ночь 24-я танковая дивизия противника потеряла свою бронетехнику. Грудами металла стояли застрявшие танки и истребители танков, еще четыре часа тому назад весьма опасные!

... В то время мы не располагали полными тактико-техническими данными новой немецкой бронетанковой техники, поэтому застревание я объяснял неудачной конструкцией ходовой части. Через много лет, командуя объединением и сталкиваясь с испытаниями новых советских танков, обнаружил главную причину низкой проходимости "Пантер", "Тигров", "Фердинандов". Если давление гусеницы танка Т-34 на один квадратный сантиметр грунта (удельное давление) составляло 0,8 кг, то у "Пантеры" оно было 0,88 кг, у "Тигра" - 1,03 кг, "Фердинанда" - 1,14 кг. Именно по этой причине они сели на днища. Опыт зимы и весны 1944-го года на Украине, показавший, что предел удельного давления должен быть 0,8 кг, стал для нас важнейшим аргументом в работе с конструкторами и танкостроителями по испытанию новых танков...

Бригада перешла к преследованию. Дальше стали попадать брошенные автомобили, повозки, противогазы, каски, винтовки, пулеметы. Враг бежал!

Лишь за хутор Цветков пришлось вести бой, где была взята группа пленных, несколько бронированных и грузовых автомашин. Отличился командир мотострелковой роты младший лейтенант Владимир Михайлович Чуприков, лично уничтоживший пять фашистских солдат и захвативший бронетранспортер с водителем.

Около 24-х часов командиров и начальников штабов 13-й и 36-й бригад вызвали к командованию КМГ. В одной из хат хутора - Цветков за столом, освещенным солдатской лампой (гильза 45 мм снаряда, наполненная дизельным топливом с вставленным фитилем) сидел генерал-лейтенант в кубанке, с накинутой на одно плечо буркой. Это был командир 4-го гвардейского кубанского кавалерийского корпуса Плиев Исса Александрович, который возглавлял группу. Худощавый, с удлиненным узким носом, взглядом, реже обращенном на

собеседников и чаще мимо них, он производил впечатление человека, уверенного в себе.

За тем же столом сидели генералы Танасчишин, Жданов и начальник штаба кавкорпуса генерал-майор Пичугин Николай Андреевич. Генерал Танасчишин представил комбригов Щербакова и Ивлиева.

- Значит, договорились, - продолжил Плиев, начатый до нас разговор. - Авдотьевка, Троицко-Сафоново, Октябрьский в вашей полосе, южнее - кавкорпус, причем, ваш сосед - 9-я кавдивизия генерал-майора И.В.Тутаринова.

- Да, конечно, - ответил Танасчишин. Затем Плиев спросил комбригов:

- Где сейчас ваши танки?

- Идут на Казанковку, - ответил Щербаков.

- Мои - севернее, - доложил Ивлиев.

- Преследуйте, насколько возможно, быстро. Не ввязывайтесь во фронтальные бои, обходите, и фашисты сами убегут.

Мы едва догнали свою бригаду. Около 4-х часов 7-го марта головной отряд занял Казанковку, а в 6 часов 30 минут завершился бой за Авдотьевку. В ней было захвачено пять танков и три штурмовых орудия, до полусотни автомашин, склады оружия, продовольствия и горючего, которым сразу же дозаправились танки.

В 13 часов бригада овладела поселком Троицко-Сафоново и остановилась на короткий отдых. Небо прояснилось. Начались налеты "Мессершмидтов" и "Фокке-Вульф 190А" причем последние, имевшие не одну, а четыре пушки и оснащенные противотанковыми снарядами, были опасны для танков. Зенитно-пулеметная рота почти непрерывно вела огонь, прикрывая танки и КП с радиосредствами. Все же были потеряны один средний и один легкий танки. А наши самолеты, из-за удаленности аэродромов, не появлялись. Отстала и зенитная артиллерия.

В 17 часов бригада возобновила преследование. Теперь все наше внимание было сконцентрировано на Новом Буге. Около полуночи штаб корпуса информировал, что в Новом Буге предположительно находится штаб 6-й немецкой армии, а на станции выгружаются эшелоны. Почти одновременно разведгруппа бригады, проскользнувшая на конях между отходящими подразделениями противника и приблизившаяся к станции Новый Буг, радиограммой подтвердила это.

- Спешат подбросить резервы фашисты, чтобы удержать город и остановить КМГ, - сделал вывод полковник Щербаков, заслушав полученную информацию. - Да и необходимость прикрыть перемещение штаба армии обязывает Хол-лидта к этому.

- В систему обороны города он включит и станцию с поселком Октябрьским, - добавил начальник разведки.

- Вот именно. В первую очередь разведайте оборону этих объектов.

Разведгруппа в период с часу до двух 8-го марта взяла пленных: северо-восточнее станции - 208-го пехотного полка 79-й пехотной дивизии, а юго-восточнее - 139-го полка все той же, старой знакомой, 3-й горно-стрелковой дивизии.

В первом случае отличился сержант разведроты Аникин. Возглавляемая им группа разведчиков из четырех человек взяла двух гитлеровцев в плен и трех, в том числе офицера, уничтожила, взяв у него карту с нанесенной на ней оборонительной позицией у станции.

Так прояснилось, что предстоит преодолеть сопротивление свежих сил из резерва. Свежих, но не сильных: пленные показали, что в ротах 79-й дивизии - от 30-

ти до 50-ти человек. Что касается 3-й горно-стрелковой дивизии, то в ее полках было по одному сводному батальону, в ротах которого оставалось по 10-20 человек.

Не богаты были и мы. К этому времени пять из семи легких танков остались позади из-за поломок. И лишь 7 танков Т-34 продолжали идти, а местами и ползти на днищах все вперед и вперед. Экипажи, в первую очередь механики-водители, показывали изумительное мастерство.

Более чем за полувековую воинскую службу ни в боях, ни на учениях в мирное время мне не приходилось видеть такую страшную распутицу, какая случилась в феврале-марте 1944-го года на Украине. Но именно в эту непогоду советские войска разгромили вражеские войска на правобережной Украине, проявив превосходство в военном искусстве и технике.

Прежде чем выполнить задачу овладения восточной частью Нового Буга, нужно было разгромить противника в районе железнодорожной станции. Заслушав соображения штаба, полковник Щербаков распорядился:

- Охватим мотострелковыми батальонами, усиленными танками стационарный поселок с севера и юга. Головной отряд упраздняется.

В движении мы с майором Федоровым и помощником по оперативной работе капитаном Иваном Тимофеевичем Бабкиным передали одновременно полку и батальонам радио распоряжения.

О принятом решении было донесено командиру корпуса. В четвертом часу меня вызвал к радиостанции генерал Жданов. После доклада о положении бригады, он передал распоряжение:

- Атака - в 6 часов 50 минут. Справа от вас атакует в направлении северной окраины города 35-й танковый полк, его правее - 36-я танковая бригада, слева - 9-я кавдивизия овладевает южной частью города. Авиации не будет.

К пяти часам 8-го марта бригада заняла исходное положение в одном километре от противника с тем, чтобы он не мог заранее определить направления атаки батальонов; оборонял же он рубеж один километр восточнее станции.

Атаку мы начали в установленное время. Помогли выдвигавшиеся слева к городу подразделения 9-й кавдивизии. Значительного сопротивления враг не оказал. Как только танки с десантом севернее и южнее станции перешли железнодорожные пути, пехота противника начала отход. С КП у северной части поселка было уже хорошо нам видно, как отходившие фашисты обратились затем в бегство от атаковавших их танков, десант с которых так и не спешивался, ведя огонь с брони. Те из фрицев, которых обогнали танки, в страхе приседали и поднимали руки.

Станция к семи часам была очищена от противника. Здесь вновь отличился командир роты младший лейтенант Чуприков. Его рота захватила склад горючего, предотвратив его поджог, при этом сам он уничтожил несколько солдат противника.

КП переместился на западную окраину стационарного поселка. И тотчас мы были окружены десятками женщин и детей. Дети криком выражали восторг, восхищенно смотрели на нас, а женщины улыбались и плакали, громко говоря по-русски и по-украински:

- Пришли! Пришли, родненькие, к нам. Милые наши воины, как мы ждали вас!

А мы им в ответ:

- С женским праздником вас, с Восьмым марта!

КП двинулся в город. Любопытное зрелище открылось нам на поле между станцией и городом. Сначала попадались брошенные немецкие противогазы, затем шинели, каски, оружие. И всюду трупы, стон и крики раненых фашистов.

События продолжали развиваться быстро. Вместе с бежавшими, со станции бросились наутек и солдаты противника, оборонявшие окраину города. Бежали по улицам в западную часть города, а потом и дальше. Бригада, не замедляя движения, сея смерть среди захватчиков, в семь пятьдесят танками с десантом вышла в центр города. Справа вышел 35-й танковый полк, а северную часть города заняли другие бригады корпуса. Слева южной и западной частями города овладели 9-я и 30-я кавалерийские дивизии 4-го кавкорпуса. В итоге комбинированного удара к семи с половиной часам город был полностью освобожден от врага.

Быстрый выход КМГ к Новому Бугу оказался неожиданным для командования 6-й гитлеровской армии. Ее штаб настолько поспешно бежал из города, что оставил немало штабных машин с документами.

В городе и окрестностях войска группы взяли у противника большое количество техники и материальных средств. Только наша - 13-я гвардейская мехбригада захватила 4 железнодорожных эшелона с воинскими грузами, 4 склада с вооружением, продовольствием, военно-техническим имуществом и горючим, до 400 автомашин, огромные штабеля артиллерийских снарядов. Число уничтоженных гитлеровцев исчислялось сотнями, более 20-ти солдат и унтер-офицеров было взято в плен. Со слов пленных, в полках 3-й горно-стрелковой, 79-й пехотной и 18-й моторизованной дивизий остались лишь группы, численностью до сотни человек.

Хотя и в спешке, но фашисты успели заминировать десятки автомашин, в основном специальных, несколько жилых зданий, поэтому примерно до 16-ти часов в городе раздавались взрывы, сопровождавшиеся пожарами - срабатывали часовые механизмы взрывных устройств.

Наши потери в людях были неизмеримо меньше, чем у противника. С конца дня 6-го до 9-ти часов 8-го марта бригада потеряла убитыми 19 и ранеными 55 человек.

Весь день 8-го марта штаб занимался организацией обороны. Вечером я рассчитывал дать отдых штабу и себе. К этому располагало и приподнятое настроение от прочтения письма жены. В тех условиях получение письма могло бы показаться невероятным, если бы не был известен гвардейцам, особенно сталинградцам, почтовый агент сержант Михаил Николаевич Алексеев. В любых условиях он умудрялся доставлять газеты и письма. В предыдущей операции он преодолевал распутицу на пароконной повозке, а сейчас - на двух верховых.

Отдых, однако, не состоялся. Последовал вызов к командиру корпуса.

- С выходом КМГ в район Нового Буга войска 6-й армии противника разделены на две части. Большая часть - 12-14 дивизий предположительно 17-го и 44-го армейских корпусов - находится к югу от Нового Буга, - начал свои указания генерал-лейтенант Танасчишин. - Командование войсками фронта решило ударом на юг, в общем направлении Баштанка, Николаев, выйти в тыл этой группировке, перехватить пути отхода и разгромить ее.

Мы склонились над картами и, следя за мыслями комкора, работали карандашами.

- Корпус получил задачу, - продолжал генерал, - к девяти часам 9-го марта овладеть Явкино в готовности в последующие сутки совместно с 4-м кавкорпусом овладеть городом

Николаев и отрезать пути отхода противнику, действующему в нижнем течении Днепра. Сосед справа - кавкорпус к 9-ти часам 9-го марта овладевает Баштанкой. Слева соседей нет.

После этого он определил задачи бригадам. 13-я гвардейская должна была преследовать противника в направлении Новополтавка, Красный Пахарь и овладеть южной частью Явкино. Соседом справа была 10-я гвардейская кавдивизия, слева - 15-я гвардейская мехбригада.

Шел 21-й час, когда мы убыли от командира корпуса, а к 9-ти часам следующего дня бригада должна была быть в 40 км к югу. Поэтому на ходу, кони - голова к голове, я внес предложение, которое полковник Щербаков принял как боевое решение: в авангарде - 1-й мотострелковый батальон с танками, в голове главных сил, за КП - 3-й батальон с танками, далее минометный батальон и тыловые подразделения на повозках. По прибытии на КП назначенные в полк и батальоны офицеры штаба под диктовку нанесли боевые задачи и тотчас убыли. И как мы ни старались, а начали движение от станции Новый Буг авангардом - в час, главными силами - в два часа 9-го марта. Только на снятие бригады с оборонительных позиций ушло три часа. Поэтому требовалось проходить по 5-6 км в час при возможном сопротивлении противника.

Ночь была, как и предыдущие, темной, дождливой с видимостью не далее 300-400 м. Но благодаря такому отличному ориентиру, как железная дорога, идущая с севера на юг, движение совершалось достаточно быстро.

Сама же дорога оказалась разрушенной. Противник уже с лета 1943-го года применял специальный прицеп к паровозу, называвшийся "Шинельвольф", который выворачивал и ломал шпалы и уродовал рельсы. Больно было смотреть на негодный путь, обидой и злобой наполнялось наше сознание.

До рассвета 9-го марта, контакт с противником имела лишь разведгруппа. Она в три часа на станции Новополтавка застала группу спящих, изрядно пьяных гитлеровцев 3-й горно-стрелковой дивизии. Из их показаний был сделан вывод, что основные силы 6-й гитлеровской армии находятся далеко восточнее нас, следовательно, выход в их тыл состоялся.

На этой станции около пяти часов произошел забавный эпизод. При поспешном отходе фашисты не успели разрушить оборудование станции и связь. Часть персонала из местных жителей во главе с дежурным находилась на месте. Майор Федоров потребовал от дежурного соединить его с диспетчером на станции города Николаева. Вскоре оттуда ответили.

- Вы диспетчер? Пригласите к аппарату немецкого воинского начальника.

- Господин майор рядом. Передать ему трубку?

- Нет. Скажите ему, что мы завтра будем в Николаеве. Пусть он перестанет разрушать путь, а то мы его повесим. Поняли?

- Понял, передаю.

Сергей подождал, но разговор на том конце линии прекратили.

С рассветом погода улучшилась, и целый день мы подвергались обстрелу и бомбежке фашистской авиации. Бригада, включая самые мелкие подразделения, двигалась рассредоточено. Скорость движения уменьшилась в три-четыре раза. Защищались огнем стрелкового оружия да тремя 12,7 мм пулеметами зенитно-пулеметной роты. И потери возросли, особенно в конском составе.

Первое серьезное сопротивление бригаде противник оказал с 18 до 20-ти часов в пяти километрах южнее Зеленого Гая. Здесь, как, оказалось, тянулась от Баштанки оборонительная позиция 79-й пехотной дивизии; на нашем направлении имелось несколько танков.

- Ну что, атакуем, Обатурыч? - спросил комбриг.

- Обойдем, товарищ полковник, - ответил я.

И как бы очнувшись от раздумий, Никодим Ефремович твердо сказал:

- Конечно, обойдем. Фашисты того и хотят, чтобы мы ввязались в бой и остановились. Слышите? В Баштанке ведет бой 30-я гвардейская кавдивизия. Мы и воспользуемся тем, что противнику не до нас. Подавайте команды на ускорение движения.

Обход слева был совершен с наступлением темноты. В эти часы командир корпуса уточнил задачу бригаде: продвигаться надлежало в направлении Красный Пахарь, Новогригорьевка, Бармашово и к исходу 10-го марта овладеть восточной окраиной города Николаева.

К пяти часам 10-го марта бригада с ходу овладела селом Красный Пахарь и двинулись на Новогригорьевку. Из информации штаба корпуса мы знали, что две дивизии 4-го кавкорпуса овладели Баштанкой.

- Теперь правый фланг у нас прикрыт, а слева 36-я бригада, - потирая руки, сказал полковник.

Вновь по радио тороплю командиров. КП ускорил движение, но через несколько минут мы убедились, что подразделения не двигаются. Я отъехал к 1-му батальону и вскоре увидел, что люди, лежа на мокрой земле, не подстлав даже плащ-палаток, спят. Нет ни движения, ни наблюдения. Разыскал комбата, он будил бойцов одной из рот.

- Переутомились, падают и засыпают, - виновато и устало докладывал он.

- Хотя бы наблюдение да дежурство огневых средств организуйте, Василий Дмитриевич.

Вернулся и доложил полковнику Щербакову.

- И в других батальонах тоже валяются. - Затем, махнув рукой, решительно приказал:

- Бригаде спать три часа!

Мы и сами едва держались в седлах. Бригада после Троицко-Сафонова, то есть почти трое суток не знала отдыха. Был в то время и сейчас остаюсь убежденным на основе наблюдения и лично пережитого в том, что человек больше трех суток не спать не может. Уже на третьи сутки притупляется реакция всех органов чувств, а мышление становится беспорядочным.

И в этот день для авиации врага корпус стал удобной мишенью. Медленно продвигаясь вперед, бригада совместно с 14-й мехбригадой к 14-ти часам овладели большим селом Новогригорьевка. Противник после бесплодной контратаки отошел на юг. Успеху способствовала кавалерия, 6 км западнее преследовавшая противника.

В ночь на 11-е марта корпус половиной своего состава разгромил гарнизон противника в Явкино, а наша бригада устремилась на Бармашово. Чем дальше в тыл врага мы проникали, тем слабее становилось сопротивление. В седьмом часу к совхозу Ровное вышла разведгруппа, открыла огонь, и фашисты числом более сотни в панике бросились в Бармашово. А полчасом позже танки обстреляли медленно подошедшую с востока к совхозу автоколонну противника численностью до 60-ти машин с продовольствием и военно-техническим имуществом; шоферы бросили машины и бежали.

С 12-ти часов в обширной голой степи северо-восточнее Бармашово бригада подверглась нескольким налетам групп по 8-12 штурмовиков "Фокке-Вульф 190А". Пришлось вновь двигаться рассредоточено, в линию отделений и расчетов. Подразделения прижимались к земле при взрывах бомб, уклонялись от трасс пушечных очередей и, хотя и медленно, шли вперед.

И несли потери. Тяжело восприняли мы гибель от осколка авиабомбы командира минометного батальона - майора Якова Евтихиевича Гуркова. Выходец из белорусских крестьян, вожак колхозных комсомольцев, он добровольно вступил в армию в 1936-м году. После окончания Казанского пехотного училища, с июля 1941-го года - на фронте. В прощальном слове полковник Щербаков сказал:

- Это к таким людям, как Яков Евтихиевич относятся слова: жизнь долга, если она полна. Он прожил мало, 27 лет, а сделал много.

Да, он был предельно скромно, и в то же время отличался редкой твердостью, четкостью и исполнительностью. Таким и сохранила его память.

За три дня, с 9-го по 11-е марта, бригада потеряла убитыми и ранеными 129 человек и почти всех - от фашистской авиации. Возникли у меня трудности и из-за потери радиостанции РСБ, державшей связь со штабом корпуса. А комбриг досадовал от потери своего рыжего жеребца, как он определял, донской породы.

С 15-ти часов бригада завязала бой с противником на восточной окраине Бармашово; вскоре он отошел в центр села. Вновь отличился разведчик сержант Аникин. Во главе пяти разведчиков он взял в плен пять фрицев из 79-й пехотной дивизии.

- Видите, ребята, как гитлеровцы бегут по селу на запад? - спросил нас, штабных, командир бригады.

- Видим, - ответили мы с Федоровым. - Видим и другое: с северо-запада к селу движется колонна кавалерии.

- Вот вместе с кавалеристами и возьмем Бармашово, - решил полковник.

- Может, лучше нам ограничиться той восточной частью села, которую уже занял авангард, а главными силами обойти с востока и двигаться на Николаев? - высказался я.

- Пожалуй, так и сделаем, - согласился полковник. - По пруду в селе у них оборона и можно ввязаться в длительный бой.

Вернувшийся от кавалеристов, офицер связи доложил, что 30-я гвардейская кавдивизия наступает с задачей овладеть Бармашово.

- Вот и решение вопроса: кавалеристы свяжут гитлеровцев боем, а мы в это время совершим обход.

В восемнадцатом часу последовала контратака из центра села, но авангард ее отбил. Вскоре под натиском кавдивизии противник оставил Бармашово.

Около 19-ти часов прибыл офицер связи с боевым распоряжением командира корпуса. С потерей радиостанции связь со штабом корпуса была неустойчивой, и со слов прибывшего я узнал о недовольстве генерала Жданова. Узнав, что КП корпуса южнее Явкино, 22 км от нас по прямой, я спросил весьма опытного начальника радиостанции старшину Сергея Васильевича Петухова:

- Почему на таком коротком расстоянии плохой прием?

- Почему-то передача по трофейной радиостанции ВС-80 в телеграфном режиме идет искаженно.

- Наведите порядок! - строго сказал я начальнику связи майору Ермакову. - Не идет телеграф - работайте в микрофонном режиме, конечно, с разрешения главной станции.

Уже через несколько часов радиотелеграфисты освоили работу на трофейной станции, и связь пошла.

А боевое распоряжение коренным образом меняло задачу бригады. Оказывается, бригаде еще в половине дня надлежало повернуть на восток и совместно с другими бригадами корпуса овладеть поселком и железнодорожной станцией Снигиревка; главные силы корпуса уже двинулись туда. Позже выяснилось, что в связи с начавшимся отходом войск 6-й фашистской армии на юго-запад и запад, командование фронта решило силами КМГ, на рубеже к югу от Снигиревки до нижнего течения Висуни, и 8-й гвардейской армии - к западу от Березнеговатое, замкнуть кольцо окружения трех корпусов, не допустив их отхода за Ингул.

После двухчасового отдыха бригада двинулась на Снигиревку через Ровное и Красную Долину и в 6 часов 30 минут 12-го марта прошла последнюю. Здесь я и мои товарищи по штабу бригады впервые увидели последствия "работы" кавалеристов, проведенной ночью, до нашего прихода. Улицы были усеяны трупами порубленных фашистских вояк, атакованных внезапно. Они выскакивали из хат, кто в чем был одет, и тут же находили смерть от сабельных ударов.

- Мне это знакомо, начиная с гражданской войны. Мои земляки, казаки Плиева хорошо поработали, - говорил, улыбаясь, Никодим Ефремович. - Это - плата за принесенные врагом бедствия и слезы советского народа.

- Молодцы, умело воюют! - торжествуя произнес Федоров.

В тот же день мы узнали, что нанес этот удар один из эскадронов 9-й гвардейской кавдивизии.

Между тем пришлось увидеть первые признаки надвигавшейся с востока армады противника. Из района 2-го отделения совхоза Снигиревка, куда бригада вышла в десятом часу, были видны две большие параллельно двигавшиеся от Снигиревки на Новопетровку, колонны обозов. Ближайшая из колонн подверглась атаке роты автоматчиков. Гвардейцы охрану частью перебили, частью разогнали и в совхоз доставили отбитое у фашистов стадо коров до 500 голов¹²⁷.

Так начались бои с отходящей группировкой 6-й фашистской армии, продолжавшиеся более пяти суток. Они совпали с острым недостатком боеприпасов. В тот момент подразделения имели 0,2-0,3 боекомплекта из двух-трех в начале операции. А погода не предвещала, что в ближайшие дни просохнут дороги. И

командир корпуса, и командир бригады потребовали максимально экономно стрелять.

Во второй половине дня от разведгруппы и соседей поступили достаточные данные об обороне противника в Снигиревке. Там на подготовленных позициях находилось более пехотного полка с шестью танками, артиллерией и минометами, а на путях вблизи станции стоял бронепоезд.

- Оборона уже сильная и еще будет усиливаться, а значит, нужно спешить с атакой, - сделал вывод командир бригады после доклада начальника разведки.

- Ясно, но как быть с поселком в километре севернее Снигиревки? Там - до двух пехотных батальонов, - спросил я.

- Сначала возьмем его, а потом атакуем поселок, - ответил полковник.

- Вяжемся в большой бой, надо его обойти с востока, - предложил я.

- Попробуем.

Эта проба оказалась ошибкой: наша атака была отражена огнем пехоты и артиллерии, а задержка составила пять часов.

Начальник штаба корпуса после моего доклада об обстановке и принятом решении сказал:

- Никаких поселков! Главная цель - Снигиревка, узел железных и грунтовых дорог. Ясно?

- Вас понял.

- Выполняйте!

Бригада в 21 час обошла поселок, а сосед слева - 14-я мехбригада уже завязала бой за Снигиревку. Атака наших двух мотострелковых батальонов, усиленных каждый двумя танками Т-34 (столько осталось в строю), при огневой поддержке четырех минометов, состоялась в 22 часа. Она была остановлена сильным огнем всех видов. Справа атаковал кавполк 9-й кавдивизии. Оба соседа также не достигли успеха. И причины неудачи заключались в том, что как в численности людей, так и в огне на стороне фашистов было решающее превосходство. Во второй половине ночи атака была повторена, в результате которой к пяти часам 13-го марта бригада захватила одну улицу и перерезала железную дорогу.

- Удержите хотя бы захваченное, а днем разберемся, - передавал по радио комбатам я по указанию комбрига. - Экономно стреляйте.

По документам убитых и показаниям пленных было установлено, что бой с нами ведут из числа отходящих передовые полки 306-й и 9-й пехотных дивизий. На рассвете они нанесли первую, а через час - вторую контратаку, но бригада устояла. А в результате третьей контратаки, нанесенной с утра силами более полка с шестью танками, бригада вынужденно отошла на 2 км северо-западнее Снигиревки. Отошла и сражавшаяся левее 14-я бригада.

В ночном бою вновь отличился командир мотострелковой роты гвардии младший лейтенант В.М.Чуприков. Он со своей ротой первым ворвался на улицу поселка и лично уничтожил трех фашистских солдат. При отражении контратаки он погиб. Посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

В ходе третьей контратаки особо отличился командир батареи 45 мм пушек гвардии младший лейтенант Михаил Погожев. Он со своим единственным расчетом подпускал цепи атакующих гитлеровцев на близкое расстояние, внезапно открывал

огонь осколочными снарядами и вывел из строя более десятка человек. После ранения наводчика Михаил занял его место и поразил еще до 10-ти человек.

Санинструктор инженерно-минной роты гвардии сержант Вера Филипповна Николаева здесь перевязала более 30-ти раненых.

Так с утра 13-го марта бригада, мехкорпус в целом, а также соседний кавкорпуса вступили в бой с главными силами отходящей группировки 6-й немецкой армии, во много раз превосходящей КМГ и в людях, и вооружении. В докладе комбригу мы с начальником разведки указывали:

- В группировку 6-й армии, действующую в районе Снигиревки, Березнеговатого, входят 17,29 и 44-й армейские корпуса, всего до 14-ти различных дивизий. Не менее двух армейских корпусов начали отход в полосу действий КМГ. Следовательно, на наш корпус навалится до пяти дивизий. Даже при 50-60-процентной укомплектованности это 35-40 тысяч человек боевого состава.

- На каждую бригаду навалится 10-12 тысяч человек вражьей силы? - спросил полковник.

- Да. Словом - до полутора дивизий.

- Как предлагаете действовать?

- Без приказа отходить нельзя, но рубежи для таких действий надо отрекогносцировать, - предложил я. - Приказ может и последовать. Будем держаться на каждом рубеже до предела, а там, может, и подойдут дивизии 8-й гвардейской армии.

Рекогносцировку первого рубежа - 1 км западнее 2-го отделения совхоза Снигиревский, Октябрьский - поручил старшему офицеру связи старшему лейтенанту Жуховицкому с группой, что он выполнил оперативно.

С десяти часов и до конца дня противник вел атаки против бригады двумя-тремя полками при огневой поддержке артиллерии. Бригада первоначально отошла на отрекогносцированный первый рубеж. Здесь со мной произошел курьезный случай. С аэродрома из Березнеговатое транспортными самолетами шла эвакуация. Увидев очередной, идущий на сверхмалой высоте прямо на наше КП, самолет, я выхватил у ординарца автомат, отвел затвор, с упреждением прицелился и нажал спусковой крючок. Затвор медленно скользнул вперед, очереди не последовало, а самолет ушел.

Я зло посмотрел на Семена Макарова, бросил ему автомат и с досадой сказал:

- Безобразие! Мы в бою или на отдыхе? Никак не думал, что вы такой беспечный сержант.

Замечу, что Семен остро это пережил и в дальнейшем оплошностей не допускал.

К исходу дня на линии села Красная Долина, 4 км южнее и севернее его отошли и заняли оборону, считая справа налево, 13-я, 14-я, 36-я бригады, а во втором эшелоне, на восточной окраине Спасская (3 км юго-западнее Красной Долины) -15-я бригада.

Вечером того же дня радостную весть передал командир 3-го батальона; его начальник боепитания гвардии старший лейтенант Михаил Васильевич Калинин доставил повозку со стрелковыми боеприпасами и минами.

- Вы понимаете, товарищ гвардии майор, - с пафосом докладывал комбат, - 20 ящиков патронов и 10 ящиков мин! Целый арсенал!

- Поздравляю. Обязательно представьте его к награде.

- Будет сделано. С кем я должен поделиться?

Мы переглянулись с полковником Щербаковым; он покачал головой.

- Ни с кем, кроме разведроты. Ей прошу выдать ящик автоматных патронов.

- Понял.

Позже мы узнали, что комбат-3 все же поделился с 1-м батальоном.

Около 21-го часа в разговоре по радиации начальник штаба корпуса спросил:

- Сколько у вас боеприпасов?

- В итоговом донесении я доложил: на автомат - по 20-40 штук, на карабин - по 20, на пулемет - по 40, на танк: снарядов - 9, патронов - один магазин, мин - 4-5 на ствол.

- Завтра придут транспортные самолеты "Дуглас", сбросят на парашютах. Точно обозначьте себя, чтобы не сбросили врагу.

К концу дня выявились два направления отхода войск противника: Березнеговатое, Явкино; Снигиревка, Михайло-Ларино; основные силы отходят по второму направлению, против войск КМГ.

День 14-е марта был насыщен напряженными боями. Рано утром мы получили информацию от штаба корпуса о положении соседей. Справа во второй половине ночи на стыке между 9-й и 30-й кавдивизиями прорвалась крупная колонна фашистов на Киселевку (12 км юго-восточнее Бармашово). Слева к утру противник занял Явкино, а его авангард в Новогригорьевке вступил в бой с подошедшей с севера стрелковой дивизией 8-й армии. Кроме того, разведчики бригады ночью взяли пленных из 304-й пехотной дивизии противника, а разведка 14-й бригады - пленных из 355-й пехотной дивизии.

В семь тридцать после огневого налета фашисты атаковали крупными силами все три бригады корпуса, оборонявшиеся в первом эшелоне. Свою бригаду мы отвели на рубеж 800 м юго-западнее Красной Долины, а левее заняли рубеж 14-я и 15-я мехбригады. В разрывы между ослабленными бригадами вражьи части двинулись колоннами на Александровку и южнее, спеша к переправам на реке Ингул.

В процессе этого утреннего отхода произошел трагический случай. Собираясь перейти на новое место КП, полковник Щербаков сказал:

- Как на новом месте возьму управление на себя, так перемещайтесь со штабом вы.

Два офицера, назначенные для следования с комбригом, собрали разведчиков, радистов с радиостанциями и автоматчиков и направились за полковником Щербаковым, который метров на сто сначала шагом, а потом рысью с ординарцем двинулся впереди группы. В дальнейшем этот разрыв увеличился до 200 метров.

В это время под натиском противника цепь наших мотострелков уже отошла к КП, и хотя в бинокль на новом месте комбрига я не видел, но принял решение свернуть КП и переместиться. В пути у южной окраины деревни Спасская (3 км юго-западнее Красной Долины) встретил ординарца командира бригады. Он был бледен, в слезах:

- Что случилось? - спросил я.

- Батю убили! - рыдая, проговорил солдат.

По пути надо было пересечь лесополосу, у которой и остановилась группа, следовавшая за полковником. На плащ палатке лежал с окровавленным лицом и грудью Никодим Ефремович.

- Врача сюда! - крикнул по колонне.

Штабной врач, очень смелая и неутомимая женщина, старший лейтенант, фамилия которой уже исчезла из памяти, подбежала быстро, прощупала пульс, послушала в груди и дрожащим голосом сказала:

- Полковник умер.

- Как это случилось? - спросил я офицера, следовавшего за командиром бригады.

- Мы двигались в метрах двухстах, когда при подъезде к лесополосе комбриг был из нее обстрелян. Он упал с лошади, а ординарец почему-то поскакал к нам. В этот момент фашисты подскочили, начали обшаривать полковника, но мы открыли огонь, и они (5-6 человек) убежали за лесополосу в сторону колонны, что вон там, в километре от нас.

Подполковник Листухин начал, было, отчитывать растерявшегося ординарца, но в данную минуту я попросил его это не делать. Перед нами стоял молоденький солдатик, в феврале прибывший в бригаду, с незначительным боевым опытом. Именно его почему-то Никодим Ефремович взял в ординарцы.

(В книге И.Ф.Юркова "Впереди атакующих эскадронов" (издательство "Маяк", Одесса, 1988 г.) эпизод с гибелью Щербакова изложен неверно. Автор ссылается на меня, но приведенного им моего рассказа не было).

Многих, в том числе меня, душили слезы. Не стало душевного человека, любившего людей и Родину, по-отцовски влиявшего на всех, кто его окружал.

Не стало 50-летнего воина, преданного коммуниста, потомственного донского казака, прошедшего в течение 32-х лет службы три войны, многократно награжденного. Шестое ранение отняло у него жизнь.

На фронтах первой мировой войны сражались пять братьев Щербаковых, а в Великой Отечественной - четыре, плюс четыре племянника. За 90 лет род Щербаковых дал России и СССР 20 защитников отчизны. Это и похвально и типично для семей российских славян: ведь за упомянутые десятилетия история преподнесла нам невиданных масштабов агрессии не отдельных государств, а коалиций. Вынесла все это российская семья и умножила патриотизм!

Прах Никодима Ефремовича был доставлен в город Новый Буг, где и предан братской украинской земле с почестями.

Именем Н.Е.Щербакова в городе названа улица, в селе Софиевка - отделение совхоза.

О случившемся тотчас доложил по радио командиру корпуса. Он через начальника оперативного отдела полковника Баштана выразил соболезнование личному составу бригады и приказал мне вступить в командование бригадой, подтвердив это радиограммой.

... В 1964 году, во время службы в Днепропетровске, в ходе одного командно-штабного учения я оказался относительно близко к городу Новому Бугу. Заехал в

него, нашел могилу Щербакова. И мне стало очень, очень грустно. Каких славных сыновей Родина потеряла!

На хорошо ухоженной могиле лежали цветы. Положил их и я. Уезжал с чувством благодарности людям Нового Буга за сохранение памяти об отважном воине...

Днем 14-го марта в небе появились три группы по четыре транспортных самолета "Дуглас". Они сбросили на парашютах боеприпасы и до десяти бочек с дизельным топливом. Бочки все приземлились на участках обороны бригад, а вот контейнеры с боеприпасами наполовину попали к фашистам. Патроны между подразделениями я делил сам. А танковых выстрелов не оказалось.

С половины дня противник прекратил фронтальные атаки. Его колонны с легким оружием, небольшим количеством лошадей, в промежутки между бригадами устремились на запад. Я приказал командиру танкового полка, располагавшего тремя танками Т-34, одну из колонн давить гусеницами, поскольку крайне мало боеприпасов. Однако из этого ничего не вышло. Танки не могли развить скорость, а вражеские солдаты, ухватившись за полки на бортах танков, бегали вокруг них в ходе поворотов. По возвращении в боевой порядок бригады экипажи танков доложили, что фашисты поголовно пьяные.

К утру 15 марта последовало распоряжение комкора: бригаде, перейдя к параллельному преследованию противника в направлении Ровное, Бармашово, Михайло-Ларино, захватить мостовую переправу в районе Михайло-Ларино и не допустить его отхода на западный берег Ингула.

Под прикрытием танков бригада оставила занимаемый рубеж, свернулась в колонны и двинулась в указанном направлении. А справа, в одном километре к северу, параллельно двигалась большая, во много рядов колонна гитлеровцев, хвост которой скрывался за горизонтом.

- Фрицы только с автоматами и винтовками, - доложил старший лейтенант Жуховицкий А. П., наблюдая в бинокль. - Похоже, оставляют обоз. Спешат!

Вскоре брошенные повозки да пристреленные лошади стали попадаться часто.

В 14 часов бригада подошла к северной окраине Бармашово. Невдалеке располагался КП корпуса, куда и вызвал меня генерал-лейтенант Танасчишин. Он тепло поздоровался, расспросил об обстоятельствах гибели полковника Щербакова, о состоянии бригады и затем сказал:

- Поздравляю с вступлением в должность командира бригады. Теперь это уж окончательно. Я подписал ходатайство.

- Спасибо за доверие, товарищ генерал.

Однако последующие события не позволили этому назначению осуществиться.

Не всем хватало стойкости находиться вперемешку с войсками противника, в своеобразном "слоеном пироге". Еще 14-го марта начальник связи майор Ермаков стал высказывать опасения, что фашисты, имея превосходство, нас уничтожат. Я сначала возразил, потом пресек его панические разговоры. А по прохождении Бармашово Ермаков исчез. Ни тогда, ни позже мы не узнали, что с ним случилось, но в одном были уверены: к врагу он не поддастся.

При подходе к Грейгово разведгруппа донесла, что станция и большая, северная часть села заняты гитлеровцами, преимущественно спящими. Можно было

этот пункт обойти, но переутомленность личного состава, вымокшего и давно не ощущавшего тепло хат, вынудили меня атаковать. Командиру 1-го батальона приказал овладеть станцией и северной частью Грейгово, но экономно стрелять. Следивший за передачей распоряжения по радио старший лейтенант Жуховицкий сказал:

- А я захвачу южную часть села, только прошу дать мне инженерно-минную роту.

- В ней всего-то 16 человек, - включился в разговор начальник инженерной службы.

- Этого числа мне хватит.

Наступила уже ночь. Бригада остановилась в полукилометре от села. Вскоре мы услышали дружный крик "Ура", несколько выстрелов и через три-четыре минуты красную ракету, означавшую, что юг села свободен.

Так от одного лишь "Ура" и десятка выстрелов фашисты в панике убежали на запад. Вслед затем в результате короткой атаки 1-го батальона многочисленный противник оставил и северную часть Грейгово.

Таково было моральное состояние гитлеровцев. Это понимали Жуховицкий и все мы с ним, но не хотел понять Ермаков.

Старший офицер связи Жуховицкий Александр Павлович, белорусский зоотехник, обладал редким спокойствием.

Не припомню случая, чтобы он погорячился. Инициативу проявлял не часто, не старался быть на виду, но и не уклонялся от поручений.

Перед рассветом 16-го марта бригада двинулась на Михайло-Ларино. Наступивший день хотя и был пасмурным, но без дождя. Разведка донесла, что восточную окраину Михайло-Ларино захватил один из кавалерийских полков 9-й кавдивизии; западную же часть занимает противник, обороняя переправу. А его большая колонна остановилась в 2-3-х километрах к северо-востоку от села.

- До Николаева от Михайло-Ларино всего 20 км, а как трудно их преодолеть, - говорил Жуховицкий, рассматривая карту.

- Сейчас наша забота не о Николаеве, а о том, как захватить мост, образовать плацдарм и не пустить отходящие соединения немцев на правый берег Ингула.

- Без артиллерии и авиации это трудновыполнимо.

Это было верно, да и танков-то в строю всего три, а стрелков и минометчиков - не более 150-ти человек. Ведь за последние три дня нелегких боев потеряно еще 117 человек

К 15-ти часам бригада в Михайло-Ларино вошла в соприкосновение с противником, встретившим ее сильным огнем не только стрелкового оружия, но и артиллерии и минометов.

КП было развернуто в балке восточнее села, а в селе оборудован наблюдательный пункт (НП), на котором расположился я с тремя офицерами и охраной. Впервые за операцию с батальонами появилась проводная связь.

- Товарищ майор, смотрите, по течению, выше села, фрицы пытаются переправиться на плотках, - докладывал помощник начальника штаба по оперативной работе капитан Иван Тимофеевич Бабкин. - Это, наверное, из торчащей в поле справа от нас колонны.

- Наверное, из этой группировки, - ответил я.

Было видно, как быстрое течение подхватило плоты и с большой скоростью несло их вниз; а находящиеся на плотях с течением не справлялись.

Моим решением предусматривалось силами 1-го батальона атаковать с фронта при поддержке трех танков. Когда внимание обороняющихся фашистов окажется отвлеченным, 3-й батальон должен атаковать слева, вдоль берега, во фланг обороняющим мост. Справа выдвинулась и готовилась к атаке 15-я мехбригада, а левый фланг прикрывался кавполком 9-й кавдивизии. Для предотвращения удара противника с северо-востока командир корпуса поставил в оборону 14-ю мехбригаду в 800-х метрах от села.

Примерно в 17 часов позвонил начальник штаба корпуса, потребовал доложить обстановку и затем добавил:

- Потерпите сутки, придут боеприпасы.

Из записки майора Тагирова мне уже было известно, что повозки с боеприпасами прошли Новоалександровку.

- Нам приказано не продержаться, а наступать, для чего нужен мощный огонь.

- Ну-ну, Обатуров, понимаю. Надо постараться. Ищите материал на плоты, возможно, будете форсировать Ингул на них. С тыла на нас нацелились деморализованные части 302, 304, 335 и 355-й пехотных дивизий. Мы их не пропустим. До двух дивизий отходят от Бармашово на Николаев.

- Понял. Мы наблюдали попытку переправы на плотях у гитлеровцев выше села. Ничего не вышло. Надежно ли прикрыт тыл?

- Помимо 14-й бригады там поставлен еще и кавполк. А для переправы поищите у населения лодки. Желаю успеха!

После постановки задач подразделениям, примерно в 19-ть часов, я решил побывать в них. Пригласил начальника политотдела.

- Я должен побывать на КП, подписать донесение и несколько партбилетов, - ответил Листухин.

- Мне тоже надо подписывать донесение и другие документы, их доставят сюда, на НП. Предстоящий бой будет необычным: надо прорывать оборону, находясь в полуокружении. Бойцы должны видеть и слышать командование бригады.

Но Листухин настоял на своем. К моему удовлетворению, в батальонах встретил майора Зубова, заместителя Листухина, с которым и побывал в ротах.

Семен Макаров вблизи НП подобрал хату для отдыха. Не без колебаний я согласился, хотя как-то инстинктивно боялся за тыл. Подписав документы, оставив на НП старшим капитана Бабкина, около 23-х часов лег в хате на скамейку и сразу крепко заснул.

Спустя какое-то время раздался крик часового, вбежавшего в хату:

- Товарищ гвардии майор, фашисты!

Вскочив, увидел хату и двор ярко освещенными: горела скирда соломы. Двор был заполнен гитлеровцами, кричавшими и стрелявшими в разные стороны.

- Семен, к дверям! Вместе с часовым не дайте фрицам ворваться в дом! - крикнул я ординарцу.

С пистолетом на взводе выскочил в сени и еще раз убедился, что выход один, только во двор, где фашисты. У закрытой двери этого выхода Семен доложил:

- Часовой убит! Фашисты у двери, выходить нельзя!

Рядом с сениями был коровник, где стояла пара наших коней. В коровнике небольшое незастекленное оконце. Посмотрев в него, убедился в правильности доклада Семена.

- Будем прорываться! Я впереди, ты с автоматом - сзади, я побегу налево, а ты с автоматом прикрывай меня с фронта и справа.

Рванул на себя дверь и шагнул правой ногой на двор. Тотчас сильный удар прошел по бедру выставленной ноги. Инстинктивно подался назад. Это фашистский автоматчик, прижавшись к стене конюшни, дал по мне очередь.

- Что, товарищ гвардии майор? - спросил Семен.

- Слева автоматчик, он прострелил мне ногу. Надо выждать.

На дворе начали рваться снаряды. Гитлеровцы с шумом двинулись вниз, к мосту. И тут я вспомнил, что метрах в двухстах заняла огневую позицию 45 мм пушка из батареи упоминавшегося выше младшего лейтенанта Погожева. Она-то и по команде последнего открыла огонь по фашистам на освещенном дворе и высвободила нас из хаты-западни.

Кровь натекла уже в сапог. Семен вывел коней, и с его помощью я сел в седло.

- В медпункт бригады! - скомандовал я.

- Тут близко медпункт кавполка, - подсказал ординарец.

- Давай в него.

В медпункте Макаров доложил капитану; тот приказал ему снять с меня сапог и опустить брюки. А я почувствовал сильное головокружение.

Санинструктор начал заполнять карточку.

- Фамилию записал? - спросил капитан. - А теперь пишите: сквозное пулевое ранение правого бедра без повреждения кости. Потеря крови. К хирургу на вливание крови!

В вену влили кровь, наложили туго повязку, и я вернулся на НП, где заслушал капитана Бабкина и командира танкового полка.

- Атаку командир корпуса перенес на четыре пятьдесят 17-го марта, - доложил Бабкин. - На КП идет бой с большой группой противника.

Он также доложил, что разведзвонд под командованием гвардии старшины М.Галлямова умело оборонял НП; фашисты вынуждены были НП обойти, понеся урон.

На КП дежурный телефонист доложил:

- Прорвались фашисты! Все сейчас в окопах, ведут бой. Никого не вызовешь.

Перед атакой появился бригадный врач майор Сергиенко. Осмотрев меня, сказал:

- Уже температура. Нужна операция.

- Может, так зарастут обе дырки?

- По ходу пули обожженная мертвая ткань и сгустки крови. Это - благоприятная среда для возникновения гангрены.

- Операция в нашем медпункте?

- Нет, только в госпитале.

- Дождусь Листухина, приеду на КП, а там - дальше.

Попытка атаковать гитлеровцев, оборонявших подступы к мосту, не имела успеха. А на рассвете, не дождавшись Листухина, поехал на КП. Вокруг его увидел трупы фашистов.

- Где-то в час ночи, с востока, в верховья балки ворвалась большая группа противника и вступила в бой с личным составом КП корпуса. Обойдя его и не считаясь с потерями, она двинулась по балке вниз, нарвалась на КП 36-й, 15-й и нашей бригад, - докладывал Жуховицкий. - Получила по зубам. Часть этой группы ушла южнее Михайло-Ларино. А на рассвете десятки фашистов, залегших в складках местности, мы выковыривали и брали в плен.

В этом ночном бою особо отличился командир взвода инженерно-минной роты гвардии лейтенант Игнатий Иванович Сентемов. Со своим взводом, насчитывавшим 8 человек, он уничтожил более 20-ти фашистов.

Как оказалось, ночью до тысячи человек прорвалось в Михайло-Ларино на стыке 14-й мехбригады и кавполка. Не считаясь с международными договорами, гитлеровцы под угрозой оружия поставили в голову колонны советских военнопленных, заставив их отвечать нашей обороне "свои". Расчет на беспечность оказался верным. Без больших потерь эта группа прорвалась на мост.

Главная группировка численностью до трех тысяч человек, также основательно пьяных, двинулась в обход села с юга и в балке нарвалась на корпусный резерв, командные пункты и подразделения боевого обеспечения. С ней дрались все, от генерала Жданова до повара и шофера, уничтожив немалую ее часть. Только вокруг КП 13-й гвардейской мехбригады было насчитано до 50-ти трупов. Корпусом в целом было взято в плен до 800 человек.

В этом бою погиб начальник оперативного отдела штаба корпуса полковник Дмитрий Яковлевич Баштан и ранен командир 36-й гвардейской танковой бригады подполковник Ивлиев.

Встретив Листухина, приказал:

- Я еду к командиру корпуса, а вы отправляйтесь на НП. Зияпа Саяповича Тагирова еще нет. Так что вступайте в командование.

- Есть, - натянуто ответил Иван Яковлевич.

Генерал-лейтенант танковых войск Танасчишин встретил сочувственно:

- На кого оставил бригаду?

- На Листухина, майор Тагиров пока не прибыл.

- В госпиталь и немедленно. Лечитесь, вы нужны. Буду ждать. Желаю скорой поправки.

Он обнял, и я удалился.

Семен взял продукты, а я с горечью и слезами попрощался с офицерами штаба. Верхом на лошадях мы отправились в Новый Буг, в госпиталь 8-й гвардейской армии.

В течение 17-го марта КМГ в районе Михайло-Ларино подверглась массированным ударам гитлеровской авиации. За два дня, 16-го и 17-го марта, бригада из своего малочисленного состава вновь потеряла 33 человека.

К концу дня корпус сменили стрелковые части, а в первой половине 18-го марта, совершив марш, он переправился через реку Ингул в районе Ново-Данциг (к

юго-западу от Новогригорьевки). 13-я гвардейская мехбригада к исходу дня сосредоточилась в Сухом Еланце (западнее Новополтавки 35 км).

18-е марта явилось последним днем наступательной операции, получившей название Березнеговато-Снигиревской. Войска 3-го Украинского фронта вышли на реку Южный Буг, в последующие дни захватили плацдармы на его правом берегу, обеспечив исходное положение для очередной, Одесской операции.

6-я гитлеровская армия потерпела очередное тяжелое поражение. Создавая после Сталинграда заново под номером шестым армию, Гитлер назвал ее "армией мстителей", имея в виду отомстить за гибель той, первой, под номером шесть. Месть не состоялась, но армия успела получить уже третье поражение. Тринадцать дивизий были под угрозой окружения, из них восемь разгромлены, а пять оставили все тяжелое вооружение.

В исключительно сложных погодных условиях войска, в первую очередь механизированные и кавалерия, показали великолепное мастерство, стойкость и высокий моральный дух.

За героизм и отвагу 36-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени, наша 13-я и 15-я гвардейские механизированные бригады и их 38-й и 37-й гвардейские танковые полки удостоились почетных наименований "Новобугские". Всему личному составу Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

Бригада за время операции нанесла немалый урон противнику: убито солдат и офицеров - 1105, взято в плен - ПО, захвачено: автомашин - 480, танков и штурмовых орудий - 10, орудий и минометов - 12, стрелкового оружия - более 600 единиц, складов различных - 27, железнодорожных эшелонов с грузами - 4.

Бригада потеряла: убитыми и ранеными - до 500 человек, танков сгоревших - 1, подбитых - 12^{шт.}

Наступление с достижением крупного оперативного успеха осуществлено при общем равенстве сил, что говорит об искусстве командования всех уровней. 3-й Украинский фронт превосходил противника в артиллерии и минометах в 2 раза, что из-за отставания артиллерии не было реализовано, уступал в танках в 1,2 раза, имел равенство в пехоте и авиации.

То, что окружить главные силы 6-й фашистской армии не удалось, было обусловлено. Малочисленная конно-механизированная группа, испытывавшая к тому же острую нехватку боеприпасов и лишенная поддержки авиации, не могла образовать плотный фронт окружения. Стрелковые же дивизии 8-й гвардейской армии, связанные напряженными боями к северу от Явкино, выйти к КМГ не успели. Вследствие сказанного значительной части немцев 17-го и 44-го армейских корпусов с легким вооружением удалось прорваться за реку Ингул.

В середине дня 19 марта мы с сержантом Макаровым подъехали к переезду на станции Новый Буг. Я едва держался на лошади. Ощущал сильный жар, голова кружилась, в глазах пульсировали темные волны. В оживленной группе офицеров неожиданно увидел генерал-майора танковых войск Жданова. Подъехал. Он с улыбкой тепло поздоровался и спросил:

- Что так долго ехали? Как самочувствие?

- Неважно. Нога как бревно, от опухоли натянулась кожа. Рысью двигаться неумоготу, все шагом, но все-таки прошли за двое суток 80 км.

- А мы готовимся к выполнению новой задачи, следуем к командованию фронтом... Ну, лечись и возвращайся, всегда рады тебя видеть.

Весь путь на меня давили переживания. Вновь вышел из строя. Пятое ранение. Сколько же можно? К тому же в момент, когда доверили командовать бригадой. Как там она?

В госпитале хирург, осмотрев ногу и позвав еще одного врача и сестру, отрывисто сказал:

- Гангрена! Готовьте к операции!

Очнулся после наркоза на кровати в одной из хат города. Рядом - Семен Макаров.

- Семен, оставь меня, поезжай в бригаду, там ты нужнее. Запиши адрес, шли весточки.

Семен смахнул слезы и вскоре убыл на своем коне, захватив и моего.

Десять дней я был в бредовом и полубредовом состоянии, особенно в первые дни, когда температура доходила до предела. Слово во сне слышались фразы хирургов - капитана и женщины, старшего лейтенанта.

- Краснота ползет вверх. Надо еще колоть...

- Нельзя, чтобы опухоль дошла до паха. Промывать реванолью и колоть...

- Видите? Краснота на вчерашней отметке...

- Смотрите, товарищ капитан, опухоль начала спадать.

- Да, уменьшается! Сестра, продолжайте промывать. Уколы не нужны...

Проснулся. Утро, луч солнца в окне. В голове полная ясность. Самочувствие как после обычной ночи, проведенной в крепком сне, если не считать сносную боль в правом бедре.

Вошла девушка в белом халате. Лицо как будто знакомое.

- Вы - сестра? Где я вас видел?

Она быстро двинулась к кровати и с улыбкой произнесла:

- Заговорил! Отошел! Я возле вас уже 11-й день.

- Как ваше имя?

- Майя.

- Ой, спасибо вам, Майя, и за уход и за терпение.

- У меня вас трое. Еще два офицера в соседней хате, но их лечение проходит легче.

В этот же день я обнаружил, что мои гимнастерка и брюки выстираны и выглажены, а шинель - вычищена. Какое же доброе сердце было у этой сестры!

Вскоре пришел капитан, хирург, который оперировал и лечил. Увидев меня улыбающимся, сказал:

- Ну вот, оживаем! Молодец!

- Это - вы молодец, а не я.

- Значит, мы оба с вами молодцы. И, обращаясь к Майе, приказал:

- Готовьте все для перевязки.

Только теперь увидел результаты операции. Передняя мышца правого бедра покрылась тремя глубокими продольными разрезами длиной от восьми до 23-х см. В них были вставлены дренажные трубки.

- Такие разрезы мы называем лампасными, а трубки - для вливания реваноля, чтоб быстрее нарастали ткани.

- И долго эти разрезы будут зарастать?

- Долго, товарищ майор, долго.

- Какая досада!

И хотя с 15 апреля мне разрешено было двигаться, разрезы зарастали медленно. К великому горю, я проторчал в госпитале до начала июня.

Время стерло из памяти фамилии и имена врачей, спасших мне ногу. Помню только имя сестры. Майя была родом из Сталинграда.

Одесская операция, в которой активно участвовал наш корпус и наша 13-я бригада, прошла без меня. В общих чертах знал о ней из записок Семена, других однополчан и по рассказам раненых. Тяжело воспринял весть о гибели командира корпуса, генерал-лейтенанта танковых войск - Танасчишина Трофима Ивановича. Это произошло утром 31-го марта под Березовкой, во время вражеской бомбежки. Образ этого храбреца, прекрасного организатора боя, человека железной воли остался в моей памяти на всю жизнь, как образец профессионализма и патриотизма, преданности делу и чести.

За отличные боевые действия в Одесской операции корпус был награжден орденом Суворова 2-й степени.

В госпитале имел возможность часто писать жене и от нее получил три письма. Бесконечно тронуло письмо старшей дочери Люси, учившейся в первом классе. Долго шагало со мной это письмо по дороге войны, написанное печатными буквами.

С какой благодарностью и во время войны, и по сей день после войны я вспоминаю людей от медицины как фронтовых, так и в тылу! О войне написано немало и научных обобщений, и воспоминаний, но подвиг медиков, на мой взгляд, исследован и показан крайне слабо. Где-то читал, что три четверти раненых они вернули в строй, что трое из четырех фронтовиков побывали в их исцеляющих руках.

Тепло попрощавшись с врачами и сестрой, попутной машиной через штаб фронта вернулся в корпус. Когда проехал Софиевку (12 км западнее Нового Буга), на одном из перекрестков увидел сохранившуюся указку со знаком своей бригады - семеркой в квадрате, наносившемся на боевые машины и автомобили. И повеяло чем-то особо близким, родным!..